

INSPIRIA

18+

ОБМАНЧИВЫЙ МИР ИНФЛЮЕНСЕРОВ
ТРИ МИЛЛИОНА ПОДПИСЧИКОВ
И ОДНА БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ

ГУРҮ

ЛУИЗА О'НИЛЛ

INSPIRIA

Novel. В тихом омуте

Луиза О'Нилл

Гуру

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

О’Нилл Л.

Гуру / Л. О’Нилл — «Эксмо», 2022 — (Novel. В тихом омуте)

ISBN 978-5-04-189171-8

Саманта Миллер – инстаграм-инфлюенсер, автор бестселлеров и владелица бизнеса, ее обожают три миллиона человек, которые ловят каждое ее слово. Но все это оказывается под угрозой, когда лучшая подруга детства Лиза обвиняет ее в сексуальном насилии. У каждой истории есть три стороны. Воспоминания двух людей и правда. Но Саманта ненадежный рассказчик, она подпитывается своей потребностью быть любимой и обожаемой. Травмы прошлого формируют ее настоящее, и она сделает все, чтобы защитить свой бренд, ради которого так усердно работала. Как могут два воспоминания об одном и том же событии быть такими разными? Как мы выберем, чьей истории поверить?

УДК 821.111-31(417)

ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-04-189171-8

© О’Нилл Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	6
2	15
3	19
4	22
5	26
6	28
7	33
8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Луиза О'Нилл

Гуру

Посвящается Анне, Брайану и Киаре Мерфи

*Они хотят, чтобы я жила и помнила,
но требуют, чтобы я жила
их воспоминаниями,
а я предпочитаю жить моими.*

Люсиль Клифтон

Guru Louise O'Neill Copyright © 2022 by Louise O'Neill

All rights reserved.

Перевод с английского: *Кирилла Батыгина*

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1

3 января 2022 года

2 868 635

Саманта наблюдала за постепенно заполнявшимся зал девушками. Они вскидывали головы вверх, чтобы поглазеть на роскошный сводчатый потолок, под которым висели огромные люстры, искрившиеся серебром и мерцавшие голубым хрусталем. У большинства людей от такого великолепия челюсть сразу отвисала. Девушки локотками толкали друг друга в бок, будто желая сказать: *«Ты только посмотри на это! Просто офигеть!»*

Издательство не хотело арендовать это помещение для презентации книги Саманты. Ей все твердили, что это пустая трата денег и что средства можно потратить гораздо более «эффективно» на маркетинг, плакаты в метро и таргетированную рекламу в «Инстаграме»¹. Саманта же спокойно выждала, пока разглагольствования не утихли. Когда специалисты наконец-то вымотали себя настойчивыми уговорами выбрать площадку подешевле и размахиванием, будто белыми флажками, табличками с бюджетами и сметами, Саманта с мягкой улыбкой заключила:

– Я вас огорчу, но у нас только один вариант: Бальный Зал. Мои девочки заслуживают только самого лучшего.

«Только посмотрите на всю эту толпу», – подумала она, следя по монитору из-за кулис, как девушки расстегивали пальто и поправляли волосы, придавленные дешевенькими беретами, которые, как они надеялись, должны были придать им немного элегантности или даже достойной француженок беззаботности. Они быстро рассаживались, пряча под отделанные красным бархатом кресла свои шопперы с логотипами *«Нью-Йоркер»*. Девушки были молоденькие, двадцать – двадцать пять лет. Их миловидность только подчеркивали аккуратно нарисованные стрелки на глазах и красная помада. Набивавшаяся в зал толпа поголовно отдавала предпочтение ботильонам на каблук из *«Форевер 21»* и трикотажным платьям из *«Зара»*. По большей части в зале сидели белые девушки, в чем, как не уставала напоминать ей менеджер, Сэм была несколько не повинна. Такова демография подобных мероприятий. И правда, это не имело какого-либо отношения к Сэм, которая на своих воркшопах всегда стремилась создать атмосферу инклюзивности и неизменно отмечала, что она будет рада всем и каждому, вне зависимости от расовой принадлежности, сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Но в конечном итоге на встречу с ней в этот раз пришли именно *те самые* девушки – приятные белолицые девчонки, – и Сэм понимала, что на нее возложена особая ответственность: оказать им ту помощь, которую она хотела бы получить в их возрасте. Двадцать с лишним лет назад она, ковыляя, сошла с переполненного самолета, выполнявшего ночной рейс из штата Юта. Единственное, что удерживало ее на плаву тогда, – воспоминания о том, что она утратила. Но вопреки всему, через что она прошла, Сэм отказывалась видеть в себе жертву. Она вознамерилась поставить этот город на колени, полностью подчинить его себе. И посмотрите на нее сейчас. Сколь многого она добилась!

– Вот-вот наберем миллион просмотров, – шепнула ей на ухо Джейн, ее менеджер.

– Ты чертов гений! – Саманта накрыла руку Джейн ладонью и улыбнулась с чувством облегчения. Она абсолютно правильно доверилась своим внутренним ощущениям и настояла вопреки мнению пугавшегося собственной тени редактора на том, что немного скандальности

¹ Здесь и далее встречаются упоминания социальных сетей «Фейсбук» и «Инстаграм», которые принадлежат Meta, признанной в РФ экстремистской организацией.

никак не помешает раскрутке книги в первую неделю продаж. Не зря же Саманта всегда говорила своим поклонницам: следуйте зову сердца – оно вас никогда не подведет.

Сцена была практически полностью погружена во мрак за исключением задней стенки, на которой ярким неонам мерцали огромные буквы: ЦЕЛОМУДРИЕ.

– Тебе не кажется, что это чересчур? – спросила Сэм у Джейн при первом взгляде на декорации. Сэм перед любым мероприятием была как на иголках от возбуждения. Ей всегда хотелось, чтобы все было отработано на высшем уровне.

– Что хорошо для Бейонсе, отлично подойдет и нам, – отмахнулась от нее менеджер. – Да и девушкам точно понравится, очень инстаграмно.

Тьму пронзил свет прожектора, в жарких лучах которого тихонько кружились пылинки. По залу прошла волна энергии, обрушившаяся на сцену и долетевшая мелкими брызгами до самых ног Саманты. Она прикрыла уши кончиками пальцев, чтобы заглушить воодушевленный гул перешептывающихся голосов, сдерживаемых смешков, шелеста спешно поправляемых юбок и скрипа кресел, пока единственным звуком, который она могла слышать, не осталось легкое эхо ее собственного дыхания. Усилием воли Сэм замедлила вдохи, представив, что ее пронзает разряд молнии, от которого она вся воспламеняется. Еще немного, и это пламя охватит и зал, и всех находящихся в нем людей, сжигая их дотла и столь же стремительно возвращая их к жизни обновленными благодаря соприкосновению с ней.

Вдруг всю ее, до самых костей, охватили вибрации гулкового мужского голоса, грянувшего из громкоговорителей:

– С Новым годом! Приветствуем вас в Бальном Зале на незабываемом мероприятии! Саманта Миллер... – Ведущий сделал паузу, выжидая, когда затихнут аплодисменты. – Саманта Миллер – автор бестселлеров, неоднократно возглавлявших рейтинги *«Нью-Йорк таймс»*. В качестве мотивационного спикера она выступает по всему миру. Ее первая автобиография *«Добровольное безмолвие»* была опубликована издательством «Гласс Хаус» в 2011 году. Только в США было продано свыше 10 миллионов экземпляров после того, как Опра назвала это издание книгой года. В 2013 году Саманта основала «Шакти»² – бренд, выступающий за духовное развитие в жизни. Официальный подкаст бренда регулярно фигурирует в чартах Айтюнс. В прошлом году на Нетфликсе состоялась премьера документального фильма в четырех частях «Спасение Шакти». Мы рады, что сегодня Саманта здесь с нами по случаю выхода ее четвертой книги: *«Целомудрие»*.

Ведущего уже было трудно расслышать из-за нарастающего рева толпы, скандировавшей все громче и громче: «Сэм! Сэм! Сэм!» *«Никогда не устану от того, как девочки зовут меня»*, – подумалось ей. Поклонницы выкрикивают ее имя. Одного этого ей бы хватило, чтобы ощущать себя счастливой.

– Приветствуем! Саманта Миллер!

Она вышла на сцену под оглушительные аплодисменты. Облегающий шелковый комбинезон кремового цвета удачно подчеркивал ее стройную фигуру, в которой росту было едва на полтора с чем-то метра. Ниспадающие на лицо светлые локоны теплого сливочного оттенка прикрывали один глаз. Лучшим стилисту и визажисту во всем городе потребовалось целых два часа, чтобы создать этот образ.

– Я хочу выглядеть абсолютно *девственной*, – проинструктировала их Саманта. – В полном соответствии с месседжем новой книги.

Но сейчас Сэм выбросила из головы стайлинг, мудборды, лукбуки и все прочее. Все ее внимание было сконцентрировано на девушках в зале, ее девочках. Она распахнула руки

² Санскр. «мощь» или «сила». Шакти – олицетворение женской творческой силы в индуизме. Изображается как супруга Шивы или Вишну в различных направлениях индуизма. (Здесь и далее – прим. перев.)

навстречу их признательности, любви и даже их отчаянию. Она была готова принять всю эту энергию и от их имени транслировать ее во Вселенную.

– Добро пожаловать, мои любимые!

Жестом она попросила всех занять места. Собравшиеся немедленно отреагировали на ее просьбу. Переполненные восхищения взгляды были устремлены только на нее.

– Спасибо вам, что присоединились к нам в этот морозный вечер, – сказала Сэм, охватывая взглядом зал так, будто каждая девушка была той долгожданной гостьей, которую она давно мечтала увидеть. – Рада, что вы все и каждая из вас сегодня здесь с нами. Вы *именно там*, где должны быть в этот момент. Мы же знаем, что во Вселенной «случайностей» не бывает. Все сложилось так, как должно было произойти. Я хочу, чтобы вы осознали это в полной мере. Ощутите умиротворение, которое приносит вам это знание. Пусть оно заполнит всю вашу душу.

Саманта положила ладонь на сердце, делая собравшимся знак последовать ее примеру.

– Я вдыхаю любовь, – проговорила она. Девушки отозвались эхом.

– Я выдыхаю страх, – продолжила она. На ее лице промелькнула улыбка, когда хор голосов вновь ответил ей.

– Хорошо. *Очень хорошо*. Поразительно, какой выброс энергии ощущается в этой комнате. Вы же тоже это ощущаете, мои дорогие? Чувствуете, какая от вас исходит сила?

Девушки закивали, шепча «*да-да, чувствую*». На толпу снизошло некоторое отдохновение: плечи опускались по мере того, как ослаблялся узел, который невидимым кольцом сдавливал грудь каждой зрительницы в зале. Вот в этом и заключалось сверхъестественное воздействие Саманты Миллер. Она пришла сюда спасти этих девушек от боли, переживаний, тяжелого детства. От напряженных отношений с родителями. От отцов, которые не обращали на них внимания, поскольку предпочли бы иметь сыновей вместо дочерей. От матерей, которые неизменно переспрашивали, *уверены* ли они, что действительно хотят порцию картофельного пюре. «*От углеводов же так легко расползеть, солнышко!*» От мужчин, которые, раз переспав с ними, переставали писать. От друзей, которые лили яд о них всем в уши за их спинами, и от друзей, для которых не было большей радости, чем плюнуть этим ядом им в лицо. Рынок был переполнен девушками со сломанной судьбой и с деньгами, которые было некуда потратить, и красивыми белолицыми женщинами, готовыми продать этим девушкам препараты для оздоровления, инкрустированные кристаллами коврики для йоги и свечи для медитации по пятьдесят долларов за штуку. Но ни одна из этих дам не была способна на то, что так легко удавалось Саманте Миллер. Аутентичность – заезженное в наши дни слово. Но именно в этом и была ее особенность. Она лично пережила все то, с чем сталкивались эти девушки. Она коснулась того дна, которого они так боялись. Она понимала их чувство безысходности и, что еще более важно, разделяла скрывавшееся за их улыбками бешенство. Сэм знала, что нет ничего более мощного, чем женщина, которой наконец-то дали свободу выкрикаться.

– Я знаю, кто вы, – сказала Саманта. Девушки в зале оцепенели, будто испугавшись звука собственных голосов и опасаясь, что они слишком расшумелись.

– Я знаю, кто вы, потому что я *была* такой же, как вы, – продолжила Сэм. Она подошла к краю сцены, уселась прямо на пол и свесила ноги в зал. Нижние края ее комбинезона приподнялись, демонстрируя зрителям блеск серебрищейся питоновой кожи туфель на платформе от «Мью Мью». В зале послышался всеобщий восхищенный вдох. «*Какая же она крутая*». Сэм почти читала их мысли. Авторы каждого эксклюзивного сюжета, которые публиковали о ней журналы, неизменно изливались длинными панегириками в адрес Саманты Миллер – воплощенного подтверждения тому, что для достижения просветления вовсе не обязательно облачаться в дерюги. Вера в Высшую Силу не исключает возможность заботиться о своем внешнем виде. «*Эта женщина умеет придать духовности сексапильность!*» – провозглашал «*Гламур*». Менеджер Сэм настояла, чтобы эта фраза появлялась на обложке всех ее книг.

– Секс хорошо продается, – заметила тогда Джейн. – И будем откровенны, Сэм. Слова о принятии себя такой, какая ты есть, легче воспринимаются, когда они исходят от женщины, которая выглядит как ты.

– Я приехала в этот город с двумя сотнями баксов в кармане, – обратилась Саманта к аудитории. – Мне было девятнадцать лет. Я была одна. Не к родителям же мне следовало обращаться за помощью, согласны?

Она сделала паузу, дав улечься гулу одобрения. Эти девушки уже прочли *«Добровольное безмолвие»*. Они знали, почему она так отчаянно хотела освободиться от своей семьи как финансово, так и во всех других отношениях. Они знали, что ее родные сделали с ней.

– Я ночевала на диванах у друзей и знакомых. Я работала в пивнушках. Я тратила чаевые на вечеринки. И под «вечеринками» я подразумеваю дешевый кокс и секс с любым мужчиной, который был готов со мной перепихнуться. – В ее голосе прозвучала грустная усмешка, которую подхватили и девушки в зале, будто им было знакомо чувство, когда просыпаешься в незнакомой квартире с синяками на внутренней части бедер и начинаешь исследовать пол в поисках использованного презерватива, чтобы понять, стоит ли заскочить по дороге домой в аптеку за гестагеном.

– Всю мою жизнь изменила встреча с Лори Дейвис, – продолжила Сэм. – Я работала за барной стойкой во время ее девичника, и ей понравилось, как я себя держу с людьми. – Саманта лишь смущенно пожала плечами. – На дворе был конец девяностых. Весь Нью-Йорк пытался перещегоолять Гвинет Пэлтроу, а я носила «варенки» и обрила себе полголовы.

На эксперимент с прической Сэм пошла исключительно потому, что такая стрижка определенно выбесила бы ее мать. Каролина Андерсон-Миллер, сколотившая свое состояние на мечтах других женщин о красоте, не уставала каждый день твердить дочери, когда той исполнилось тринадцать лет, что *нет ничего дурного в том, чтобы быть симпатичной*.

– Лори дала мне свою визитку, но только утром, разглядев хорошенько клочок бумаги, я поняла... – Сэм сделала паузу. Девушки в зале в едином порыве подались вперед, к сцене, ожидая продолжения истории, конец которой они уже и так знали. Они читали об этом эпизоде в ее мемуарах, и он муссировался в бесчисленных интервью, которые Саманта дала за прошедшие годы. И все же они хотели услышать развязку из ее уст, узнать ее секрет, которым она хочет поделиться именно с ними. – Что Лори Дейвис – главный редактор журнала *«Блэкаут»*. Неделей позже у нас состоялась неформальная встреча. И не успела я и глазом моргнуть, как стала ее второй помощницей.

Вторая помощница вскоре стала первой. «Ты отлично справляешься», – говорила ей Лори. Сэм понимала, что она должна быть благодарна за этот шанс. Ее повысили до должности редактора отдела фешен-рынка. В офис начали поступать бандероли на ее имя. На Новый год ей присылали дизайнерские очки, джинсы с заниженной талией и панеттоне³ ручной работы. Пиарщики засыпали Сэм подарками в надежде, что она разместит подборку из новой коллекции их работодателей в самом козырном блоке журнала. И, конечно же, была лавина приглашений с тисненными золотыми буквами на веленовой бумаге цвета слоновой кости, места в первом ряду на всевозможных мероприятиях, кодовые слова для доступа на афтерпати в секретных барах, запрятанных по подвалам Чайна-тауна. Поначалу было весело. Но в какой-то момент Саманте все надоело. Она сама полезла на рожон, как выразилась бы ее мать. Ну и огребла по полной.

– В двадцать семь лет я отправилась лечиться от наркомании. – Саманта с усилием поднялась со сцены и стряхнула пыль сзади комбинезона. – Но спасли меня не столько врачи, сколько *вера*. Меня с детства приучили искать веру во внешних источниках: в моих родителях, в учителях, во всемогущем и всевидящем Боге. Но я по-настоящему ожила, только когда

³ Традиционный миланский рождественский кекс.

обратилась вовнутрь себя и начала верить прежде всего в саму себя. Если бы не эта вера, то я не была бы здесь с вами сегодня.

Саманта подала сигнал световику, стоявшему на верхней галерее. И, как они заранее отрепетировали, он включил свет в зрительном зале. Девушки предстали перед Сэм во всей их красе. Все молоденькие, с легким блеском на лицах, иногда с жирной кожей на лбах и подбородках, с губами, подрагивающими от прилива чувств. Сэм казалось, что ее сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Она с улыбкой взирала на девушек, поднявших камеры телефонов в сторону сцены. Поток фото и видео с тэгами #Богиня, #Саманта-Миллер и, самое главное, #Целомудрие устремился в Тикток, Снэпчат и «Инстаграм».

– Я знаю, кто вы, – вновь обронила приглушенным голосом Саманта. – Я знаю, что вы силитесь найти. Я сама искала это многие годы. В наше время тяжело быть женщиной и тем более девушкой. Мир иногда кажется страшным местом, не правда ли? Мы живем в стране, где все более явственно проявляется раскол общества.

«Осторожнее, Сэм». В текущем климате она не собиралась сказать что-либо, что могло бы быть воспринято как политическое заявление.

– Но я призываю вас видеть любовь там, где другие сеют ненависть, единство там, где другие хотят всех заставить жить в страхе. Вы дети Вселенной, и нет пределов вашему могуществу. Как только вы поверите в это, вас уже ничто не остановит. Верите ли вы?

Саманта подняла руки. Она неслышно повторяла слово «спасибо», а девушки хлопали, пока не заболели ладони. Как же она любила этих девчушек с их надеждами, с их мечтами, с их столь острым вожделением к чему-то неизведанному, что во рту даже ощущался пряный привкус. Девушки всегда говорили Сэм, что она их спасла. Но в действительности и они были ее спасительницами. Благодаря им ей было к чему стремиться, они были ее стимулом продолжать жить.

– Ну, что же. Приступим! – сказала Сэм, поправляя гарнитуру на голове. Наступило время вопросов из зала.

Над толпой поднялось несколько дрожащих рук. Девушки нервно сглатывали, принимая из рук менеджеров микрофон. Они задавали сдавленными голосами все те же вопросы, которые Саманте озвучивали на таких мероприятиях: *как ты набралась смелости оставить работу в журнале? нет денег, что делать? что ты посоветуешь тем, кто хочет попробовать написать собственные мемуары?* Были слишком худенькие, слишком бледные девушки с покраснениями на костяшках рук и заедами, ежащимися в уголках рта. Они стояли перед Сэм как вкопанные, пожирая ее глазами. Наконец, они обращались к ней за помощью: *«пожалуйста, помоги мне»*. Они чувствовали, что по ту сторону страдания их ждет что-то лучшее, но им все никак не удавалось отыскать ключ, который бы открывал дверь туда, в новую жизнь. Как же они устали от метаний. Разве весь их вид не кричит об этом? Саманта, склонив голову набок, успокаивала их мягкими словами. Если у нее получилось оставить все это позади, то получится и у них. Помощь была прямо перед ними, главное – дотянуться до нее и вцепиться обеими руками. И она помучилась по жизни, напоминала девушкам Сэм. И помучилась сильно. Чудо, что она вообще добралась до этого момента. Она вырвала свое спасение из пасти чудовища наркозависимости, поскольку поверила, что ей предначертаны бо`льшие свершения, чем унижительная кончина в обнимку со сливным бачком.

– Вы верите в свои силы? – вопрошала она их. – Верите, что вы достойны быть счастливыми и здоровыми?

Саманте хотелось бы помочь всем и каждой из этих бедняжек. Она бы с удовольствием забрала их всех к себе домой и вернула бы их к жизни, каждую малышку без исключения. В самом начале своей карьеры Сэм свободно делилась номером мобильного и предлагала связываться с ней по любому поводу. Но больше она не могла себе этого позволить. Девушки часто не уважали личное пространство Сэм и ожидали, что она станет им сразу всем и вся: матерью,

психотерапевтом, лучшей подругой... Это было уже превыше ее сил. Теперь она направляла девушек на онлайн-воркшоп в поддержку страдающих зависимостью на Shakti.com («У нас акция! Купите книгу, чтобы получить скидку 20 %») и желала им удачи на их жизненном пути. «*Шоу должно продолжаться*», – звучал у нее в голове воображаемый голос Джейн. Борясь с чувством вины, Саманта почти незаметно кивнула стейдж-менеджеру, который выхватил на полуслове микрофон из рук очередной заблудшей овечки. Сэм снова выдвинулась вперед и устремила взор в глубь зрительного зала.

– Слушаю тебя, – Сэм указала на девушку азиатской внешности, сидящую в центре зала. На площадке работала съемочная группа, а Джейн ей говорила, что для картинки было бы лучше, если бы в кадре появился по крайней мере *один* небелый человек.

Девушка обернулась, посмотрела назад и, развернувшись, переспросила:

– Меня?

– Да-да, именно тебя, – проговорила с улыбкой Сэм.

Избраннице Саманты было на вид около двадцати лет: свежая кожа, блестящие черные волосы, стрижка каре с прямой челкой, растушеванная темная подводка вокруг глаз, укороченный свитер с мини-юбкой в клетку. Точно такая же юбка была и у Сэм в юности, когда она помешалась на образе Лив Тайлер в кинофильме «Магазин «Империя». «*Так и подступает старость, что ли?* – подумалось ей. – *Начинаешь замечать, что первой носила тренды, которые снова в моде?*»

– Здравствуйте, мисс Миллер, – сказала девушка.

– Да ладно тебе, дорогая. Давай на «ты». Зови меня «Сэм».

– Ну хорошо, Сэм. Я хотела поздравить вас с эссе, которое вышло сегодня в «*Блэкаут*». Это очень... очень смелый шаг.

– О, спасибо! Очень мило с твоей стороны.

– Я хотела... – Руки девушки еще сильнее вцепились в микрофон. – Хотела спросить вас: почему вы... ты написала *эту* книгу? Твоя работа стала откровением для миллионов женщин, изменила их жизнь, в том числе и мою.

Саманта потупила взгляд, сдерживая норовившую выступить на ее устах ухмылку. Сколь часто ей приходилось слышать эти слова, но все еще не верилось, что ее деятельность имела такой большой резонанс, такой масштаб. Даже в самых смелых фантазиях она не могла себе представить, что когда-нибудь будет жить этой жизнью, созданной ею самой, собственными силами.

– Ты научила нас принимать самих себя в качестве плотских существ, – продолжила девушка. – Быть женщиной вовсе не означает, что мы должны становиться женами и матерями. Мы можем пойти по другому пути...

– И я все еще верю в это, – оборвала ее Сэм. – Все, что я говорю и пишу, лишь подтверждает эти слова. Особенно в моей последней книге «*Целомудрие*» вы не обнаружите ничего противоречащего сказанному мной ранее.

– Да... Наверно, – проговорила девушка, и в ее голосе что-то переломилось. Это была тончайшая, едва уловимая перемена настроения. Сэм сомневалась, что кто-то, кроме нее, вообще заметил этот момент. Но это было далеко не первое ее публичное мероприятие, и она всегда остро ощущала душевное состояние аудитории. Сэм могла понять по самому мимолетному сухому кашлю, были ли зрители все еще на ее стороне или нет.

– Но это твоя первая книга за четыре с лишним года, – заметила девушка. – Хотелось бы понять, почему из всего, о чем можно было написать, выбор пал именно на *целомудрие*? Ведь сейчас, в этот момент истории, у власти в США находится так много людей, которые готовы воспользоваться нашим целомудрием в своих интересах. И которые, возможно, много раз это проделывали в прошлом?

Девушка запнулась. Остальные зрительницы, очевидно раздраженные тем, что кто-то посмел так убить им позитив, бросали в ее сторону хмурые взгляды. Сэм могла представить, какие мысли переполняли собравшихся сейчас. «*В чем ее проблема?*» Однако глаза поклонниц вновь обратились в сторону сцены. Они с любопытством глядели на Саманту. Как она выйдет из ситуации?

Сэм прошла в глубь сцены и медленно, по слогам, прочитала неоновое-розовое слово, легонько касаясь каждой буквы.

– ЦЕ... ЛО... МУД... РИ... Е... – отчеканила она. – *Целомудрие*. Еще будучи подростком, я всегда считала, что «девственность» – патриархальный термин, придуманный, чтобы контролировать женскую чувственность. Я полагаю, что целомудрие и девственность – очень разные вещи. Как я могу к тебе обращаться, милая? – обронила Саманта. Девушка пробормотала «*Эми*» в микрофон.

– Благодарю тебя за отличный вопрос, – сказала Саманта к заметному облегчению Эми, которая выдавила из себя улыбку. – Скажем откровенно, Эми, современный подход к любви превратил секс в нечто сверхдоступное. Да и к *людям* сейчас относятся так, будто мы все хороши только на один раз. Но я думаю, что секс – это нечто сакральное. Мы должны уважать ту энергию, которая заключена в нем. Не стоит растрчивать ее на тех людей, которые недостойны нас.

Сэм ощутила кислинку во рту при мысли о тех людях, которых она изо всех сил пыталась заставить полюбить ее, и о том, как это подорвало ее лично. Впрочем, все это она хотела предать забвению.

– Но не подумай, что я ратую за то, чтобы мы все заделались асексуалками! – отрезала она. – Женщины абсолютно вправе получать наслаждение. Вопрос только, получаем ли мы реальное удовольствие от случайного секса? Когда женщина вынуждена уступать мужчине пальму первенства в удовлетворении желания...

– То есть... ты хочешь сказать... – выпалила нетерпеливо Эми, – что для того, чтобы и мы, и наши партнеры достигали оргазма на равных, надо прыгать в койку с нашими лучшими подругами, как это сделала ты?

Весь зал резко вздохнул. Послышались редкие нервные смешки. С передних рядов донесся возглас «*Вау*». Девушки заерзали в своих креслах, перешептываясь друг с другом. Саманта утрачивала контакт с ними. Пора было вернуть ситуацию под контроль, а то все мероприятие можно было списывать как провал.

– Насколько я понимаю, ты имеешь в виду мое эссе в «*Блэкаут*». – Саманта изобразила, что смеется. – А как остальные? Читали статью? – обратилась она к толпе и улыбнулась, услышав крики «*да, конечно*». – Тогда вы все знаете, что мое эссе рассказывает историю об опыте с подружкой в моей юности. Я считаю себя натуралкой. Меня привлекают мужчины, и я встречалась всегда именно с мужчинами. Но самый мощный оргазм в жизни я испытала именно той ночью.

Сэм встала прямо перед неоновой буквой «*О*», положив руки на бедра так, как они репетировали с Джейн. Они пришли к выводу, что на фотографиях она лучше всего смотрелась в этой позе.

– «*Целомудрие*» выходит как раз сегодня, поскольку сегодня у меня годовщина: я целых два года не занималась сексом. И значительную часть этого времени я провела в размышлениях о той ночи с подружкой, задаваясь вопросом, почему именно тогда я смогла полностью отдаться моменту, как никогда прежде и, к сожалению, как никогда вплоть до настоящего дня. Эта книга – результат моих раздумий. Я верю, что, возвращая себе право на целомудрие, женщины смогут *дестабилизировать* все, что общество заставило нас принять по части восприятия нашей сексуальности. Понимаешь мою мысль? – На этих словах Саманта устремила взгляд в сторону девушки, задавшей ей знаменательный вопрос. Что-то родное было в лице этой участницы.

Этот огонек был знаком Сэм по опыту общения с другими людьми на ее воркшопах. Она осознала, что эта девушка нуждается в ее помощи. И она поняла, что надо сделать дальше. – Но у меня есть ощущение, что твой вопрос был немного не об этом, не так ли? – проговорила Саманта. Девушка сникла, глядя широко открытыми глазами на Сэм.

– Я... – пролепетала Эми. – Не знаю...

– С нами ты в полной безопасности. Ты можешь быть откровенна. О чем ты хотела поговорить *на самом деле*? – Вопрос Сэм прозвучал максимально деликатно, но девушке все же отказало самообладание. Из ее горла наконец-то вырвался всхлип.

– Простите меня. – Эми прикрыла лицо рукой. – Когда я читала ваше эссе... я просто не могла представить, что смогу пойти на такое.

– Какое «такое» ты не могла себе представить?

– Такое... – Эми закусилла нижнюю губу, силясь не расплакаться. – Ты пишешь о сексе с *девушкой*. Разве ты не боишься, что скажут посторонние? Мои родители... верующие люди, – наконец-то промолвила она тихо. – Они не могли бы принять это. Я бы хотела... – голос дал слабинку, – быть такой же смелой, как ты.

– Не говори так, солнышко, – сказала Саманта. У нее разрывалось сердце при виде таких переживаний у одной из ее девочек. – Не было особой храбрости в том, чтобы бросить учебу. Не было ее со мной и тогда, когда я перебралась в Нью-Йорк. Я была одинока, я была молода, я была перепугана ровно так же, как и ты сейчас. Но с того времени я пришла к определенным выводам, и самое главное, что я извлекла для себя, – надо оставаться верной себе. Проблема не в том, смогут ли твои мама с папой принять твою ориентацию. Проблема в том, можешь ли *ты* ее принять. У тебя есть силы изменить свой мир. Прямо здесь и прямо сейчас! Я знаю, что ты можешь! Я верю в тебя!

Девушки разразились аплодисментами и криками «*да-да, богиня!*». Саманте захотелось откинуть голову назад от нахлынувшего потока энергии, который струился через все ее естество. По всему позвоночнику будто проходили разряды тока, готовые в любой момент разнести ее на тысячи осколков. Работа Сэм бывала сложной, требовательной и изматывающей. Ей многим пришлось пожертвовать, чтобы дойти до этой точки в своей карьере. Дружбой, замужеством, материнством. Иногда, и она готова была это признать, она испытывала чувство одиночества. Однако все это не имело ни малейшего значения в такие моменты, когда она со сцены наблюдала за исцелением девушек. Сила ее слов позволяла им собрать по кусочкам разбитые сердца. Вот в чем состояло предназначение Саманты на этой земле – быть в помощь этим девушкам. «*Спасибо*» проговорила она про себя, благодаря Вселенную за дары, которыми та ее наделила, и аудиторию, которая была готова их воспринять. «*Спасибо*». Сэм посмотрела прямо в глаза растроганной девушке.

– Скажи, Эми, готова ли ты изменить свою жизнь?

Покидая сцену, Саманта ощутила, что комбинезон прилипает к телу от испарины. У двери под большой мигающей вывеской «ВЫХОД» за сценой Сэм поджидала менеджер. Джейн с хмурым видом бешено стучала по экрану смартфона.

– Боже мой, – обронила Сэм с легким смешком. Она подняла руку, показывая Джейн, как ее всю трясло. – Как же *чертовски* хорошо все получилось! Камера все засняла? Сумасшедшая энергия. Надо выложить нарезку на Ютьюб-канал «Шакти». Видела ту девушку в самом конце? Она заставила меня понервничать. В наше время всегда появится кто-нибудь с каверзным вопросом. Но я все-таки пробились к ней. Как думаешь? Кажется, я смогла дать ей то, что нужно.

Саманта подхватила одно из ручных полотенец из кипы, разместившейся на складном столике рядом с бутылками премиальной «умной» воды «Гласо Смартвотер» и флаконами антисептика. Сэм приложила полотенце ко лбу, а затем и к груди, выжидая, когда Джейн наконец-то скажет ей, что все прошло обалденно, что она звезда, что это было лучшее из лучших

мероприятий за всю их совместную историю. Но менеджер поглядела на Сэм со странным выражением лица.

– Сэм, – наконец проговорила Джейн. – Кажется, у нас проблема.

2

– Джейн, ты мне объяснишь в конце концов в чем дело? – прошипела Саманта, пытаюсь выдрать ключ из челюстей замка двери своих апартаментов. – Выкладывай. Ты реально пугаешь меня.

Накинув ей на плечи пальто еще за сценой, менеджер настояла на том, чтобы они немедленно покинули Бальный Зал. Джейн впихнула Саманту в «Убер». Через окно машины до Сэм доносился напряженный разговор Джейн со стейдж-менеджером.

– У меня здесь выстроилась очередь из стапятидесяти женщин! Не понимаю, что вы ожида...

– Скажите им, что у нее живот прихватило от желудочного гриппа или что-то в этом роде.

– Какой живот? Да вы издеваетесь, что ли?

– Ну, семейные обстоятельства. Мне наплевать, что вы им скажете. Выкручивайтесь сами.

Джейн влезла на заднее сиденье автомобиля к Саманте и хлопнула дверью.

– Знаете, куда ехать? – обратилась Джейн к водителю, белому мужчине средних лет с мелированными прядями. Из врубленного на всю громкость айфона водителя доносился хип-хоп образца девяностых. – Выключите эту дрянь, – приказала ему менеджер.

– Все... все в порядке? – спросила Сэм, чувствуя, что сердцебиение замедлилось до болезненно глухих ударов. – Что-то плохое...

– Да нет, ничего подобного.

– Тогда что случилось?

Но Джейн рукой остановила поток вопросов Сэм, норовившей продолжить расспросы. Разговор был окончен.

– Только не здесь, – пробурчала она, кивая в сторону мужчины за рулем. Джейн хранила молчание, когда они проходили через вестибюль дома, в котором проживала Саманта. С консержем Альберто, которому Сэм приветливо улыбнулась, Джейн поздоровалась, еще плотнее сжав губы, но все-таки сообразовала поддержать вежливую беседу с миссис Коэн, пожилой вдовой, которой принадлежали роскошные шестикомнатные апартаменты этажом выше квартиры Сэм.

– Ну и? – бросила Сэм, когда ее входная дверь все же поддалась и открылась. Саманта повесила пальто от «Макс Мара» на напольную вешалку и кинула сумочку и ключи на столик при входе. Металл с грохотом брякнулся о столешницу. – Теперь-то ты мне расскажешь, что у нас за драма приключилась? И я искренне надеюсь, что это что-то реально серьезное, Джейн. Не могу поверить, что я из-за тебя пропускаю автограф-сессию. Девушки будут невероятно разочарованы.

Сэм больше всего любила именно эти моменты любого мероприятия, когда она могла лично встретиться с поклонницами, обнять их, когда они не могли сдержать слезы, когда она слушала, как ее работа повлияла на их жизни.

– И... – Саманта пыталась подобрать слова, чтобы достучаться до менеджера. – Они могут попросить вернуть деньги. Личная встреча со мной входила в стоимость билетов.

Джейн прикрыла входную дверь и откинулась на тяжелую деревянную раму. На лице менеджера проступила усталость. Ее худое лицо выглядело изможденным в полутьме.

– Ты в порядке? Может быть, водички? – спросила Сэм с нотками беспокойства в голосе.

– Давай присядем? – проговорила менеджер.

Саманта провела ее в гостиную – огромную комнату с трехстворчатыми окнами и изящными лепными карнизами, обрамлявшими высокие потолки. Паркет укрывал поблекший персидский ковер. Саманта жестом попросила Джейн снять каблуки перед тем, как опуститься на

диван из дымчато-серого бархата. Покупка этой квартиры стала первым случаем неприкрытого транжирства со стороны Сэм. Она позволила себе потратить на нее то, что она называла «киношными деньгами». Вся обстановка – консоль из французского мрамора, расшитые льняные подушечки, слишком большие для этих комнат картины маслом ярких оттенков и обои, покрашенные вручную в зеленовато-голубой цвет утиных яиц, – была памятником в ознаменование ее усердной работы, бесчисленных жертв, на которые она пошла, и головокружительного успеха. Сэм никогда не приводила сюда мужчин, с которыми она была в отношениях. Она настаивала на том, чтобы все приватное между ними происходило либо у них дома, либо в ближайших гостиницах. Это место было для нее слишком ценным, чтобы пятнать его каким-либо образом. И она была рада этому решению. Было приятно не жить среди фантомов пренебрежения, напоминавших о ее кавалерах, призраках ее собственной слабости и гнетущей тишины молчаливых стен, с которыми ее неизменно оставляли наедине воспользовавшиеся ее телом мужчины.

– Надо выпить, – произнесла Джейн, опуская на край дивана свою переполненную лишними экземплярами *«Целомудрия»* наплечную кожаную сумку. Джейн бросила взгляд на телефон, а затем – в сторону кухни-столовой Сэм. – У тебя вина не найдется?

– Ну конечно же нет, – сказала Саманта, прищурив глаза. – Я же лечилась от зависимости. Да что с тобой сегодня творится!

Джейн подняла палец навстречу ее словам. Она дописывала письмо, покинувшее ее телефон с легким свистом. Джейн положила айфон экраном вниз на кофейный столик. Вот тут Сэм встревожилась не на шутку. Джейн никогда не убирала телефон, даже когда они сняли самый дорогой ресторан на Мэдисон-авеню, чтобы отпраздновать продажу семнадцати миллионов экземпляров *«Добровольного безмолвия»* по всему миру. Саманта постоянно критиковала за это своего менеджера, рекомендуя той пройти воркшоп по диджитал-детоксу от «Шакти», на что Джейн, закатывая глаза, неизменно замечала:

– Ты ни с чем не справишься, если я буду на диджитал-детоксе.

– Итак... – произнесла менеджер. – У нас возникла неприятная ситуация.

– Ясно... – медленно протянула Саманта.

– Это связано с твоим эссе для *«Блэкаут»*.

– А что с ним? Мы заранее рассчитывали на резкую реакцию. Наша цель – вернуть идею целомудрия новому поколению, а это тяжелая задача. Людей всегда критикуют, когда они пытаются выступить с какой-либо идеей культурной повестки. Но проходит несколько лет, и бац! Идея уже часть мейнстрима, и все это прекрасно пережили. Не надо паники, все...

– Не в этом проблема, – менеджер собрала волосы в плотный хвост. Во всем облике Джейн – от накрахмаленного воротничка ее свежей белой рубашки до полированной лакированной кожи ее туфелек – сквозила аккуратность. Даже в этот момент, когда она переживала стресс, который Саманте никогда не приходилось видеть, казалось, что Джейн только-только выстирали и отгладили.

– Лиза – вот наша проблема. Она мне написала письмо. Наверное, нашла контакты на сайте.

– Лиза? – повторила Сэм. Этому имени не было места на ее губах в этот момент, в этой жизни. Это было имя из прошлой жизни, еще до книг, до фильма, до реабилитации, даже до учебы в штате Юта. Это имя она вспоминала каждый день во время написания *«Целомудрия»*, но в последний раз она произносила его вслух давным-давно. – Ты имеешь в виду... Лизу Джонсон?

– Теперь она Лиза Тейлор.

– Кхм. – Саманта сглотнула. – Так она вышла за Джоша? Вау, не могу даже...

«Почему мама мне ничего не рассказала?» – подумалось ей.

Многие годы назад Сэм нашла Лизу на «Фейсбуке», но у той были установлены жесткие настройки приватности: единственное, что Сэм смогла увидеть, – картинку с закатом в профиле. Саманта постучалась в друзья и отправила короткое сообщение: «Привет, подруга! 100 лет не виделась! Была бы рада наверстать упущенное! С. Чмоки». Но ответа не последовало. Естественно, и Джоша она выискивала с затаенным дыханием: а что, если он все еще не женился? Вдруг живет где-то в городе? Могли бы встретиться за ланчем или в баре после работы, а там уже – будь что будет. Но Сэм бросила поиски, прошерстив несколько десятков Джошуа Тейлоров.

– И что же хочет Лиза... Тейлор?

– Она видела эссе. И оно ей не понравилось. – Джейн попеременно хрустнула костяшками больших пальцев рук. – Ты же мне сама говорила, что сделаешь все, чтобы твою подругу нельзя было узнать.

– Я так и сделала.

– Но ты использовала ее чертовы инициалы, Сэм! Так себе конспирация. Лиза Тейлор точно не оценила твои старания.

– Почему? Она не одна единственная в целом мире с именем, начинающимся на «Л».

– Она заявляет, что ее легко опознать как лучшую подругу. – Джейн снова взглянула в сторону своего телефона. – Кстати, она умудрилась написать «опознать» неправильно. Черт возьми. Судя по письму, она залила в себя не меньше трех бокалов Шардоне. В общем, она говорит, что это крайне унижительно, что она все еще живет в вашем родном городке, что она беспокоится о муже и прочие бла-бла-бла.

– Понятно. – Саманта почувствовала, как в ней просыпается прежнее негодование, когда-то царявшее ее изнутри. – Боже упаси, чтобы *Джош Тейлор* был вынужден как-то разбираться с этой хрен...

Сэм заставила себя сделать глубокий вдох. На воркшопах она твердила девушкам, что гневу есть место в жизни. Ярость может быть умиротворяющей, особенно для женщин, которым так часто отказывали в этой эмоции. Но это же чувство может быть разрушительным, если ему позволять гореть в душе буйным пламенем. Сэм достаточно времени провела с психотерапевтами, чтобы осознать, насколько проще было бы злиться на Лизу и Джоша, чем признать факт, что они ее страшно обидели и заставили чувствовать себя ненужной, когда они кинули ее, взяв у нее все, что смогли унести.

– А она прочла эссе? – спросила Саманта своего менеджера. – Это же фактически признание в любви к нашей дружбе. Что здесь такого?

– Думаю, ей не хочется, чтобы друзья думали о ней как о лесбе, – фыркнула Джейн. – Знаю я таких. После моего каминг-аута в последнем классе школы половина девушек прекратила со мной общение из страха, что у меня сложится о них «неправильное» представление. Будто меня хоть как-то могли заинтересовать эти тупые овцы.

– Ну да, но девяностые уже давно позади. В наши дни даже в Бенфорде должна быть хотя бы *парочка* геев. К тому же в эссе написано, что мы обе были натуралками. – Сэм вышла в прихожую и покопалась в сумочке, пока не отыскала телефон. – Послушай, – проговорила она, прокручивая сообщения в «Инстаграме». – «Привет, Саманта! Никогда не пишу знаменитым людям в личку, но прочитала твое эссе в «*Блэкаут*» и почувствовала, что *обязана* с тобой связаться...» – Она проскроллила дальше. – «Обожаю тебя, Сэм! Твоя искренность придает мне смелости...» И была еще одна, она отправила мне голосовое сообщение, что-то вроде «прочла ваше эссе и рассказала мужу о своем гомосексуальном опыте в колледже». Теперь она понимает, что ей нечего было стыдиться ни тогда, ни сейчас.

Сэм снова присела на диван, крепко прижав к груди подушку.

– И таких сообщений сотни. *Сотни*. И это только в «Инстаграме». Новая секретарша...

– Дарси, – подсказала Джейн. – Выпустилась в прошлом году из Принстона, лучшая студентка на курсе.

– Да, Дарси. Прости. – Сэм силилась запоминать имена своих помощниц, но те были уж слишком похожи друг на друга: великолепные волосы, дипломы творческих специальностей и легенды о предках, прибывших в Америку еще на «Мейфлауэр»⁴. – Дарси пришлось заняться моими аккаунтами, потому что я сама не в состоянии ответить на все сообщения. Так можно и свихнуться. Сколько уже просмотров у эссе?

– Почти полтора миллиона.

– Блин. Значит не зря же. Мы делаем важную работу.

– Я не отрицаю этого. – Джейн потеряла глаза. Тушь не размазалась. Только бы попробовала размазаться, подумала Сэм. – Но проблема не в этом. Я все пытаюсь тебе объяснить, если ты готова...

– Я не хочу выпячивать свое эго. – Сэм откинула подушку и подогнула под себя одну ногу, ухватившись за большой палец другой ноги с черным педикюром. – Я всего лишь рупор. Я понимаю, что важна не я лично, а мой *месседж*. Все эти ярлыки, которые мы навешиваем на себя и свою сексуальность, слишком бинарны. Нам нужно...

– *Вот что* тебе реально нужно сделать: остановись на минутку, – прервала ее Джейн. – Что сказала бы ты мне, если бы у меня начался такой срыв? Направь раздражение Высшей силе или еще какой-либо бред в этом роде?

– Даже не начинай, Джейн, – огрызнулась Саманта. – Я живой человек, пытаюсь жить своей жизнью. Мне нужно оставаться верной моей правде. А моя правда сейчас – я очень расстроена. Мне не верится, что у Лизы истерика по поводу какого-то тупого эссе. Мы уже не в школе.

Сэм склонилась к кофейному столику и схватила золотистого будду, которого она купила во время курса безмолвной медитации в Чиангмае. Статуэтку она уложила к себе на колени и начала потирать божку брюшко на удачу. Сэм сделала вдох, и, досчитав до четырех, выдохнула, прося своих духов-наставников помочь ей пройти через эти испытания.

Когда Саманта открыла глаза, ее встретил настороженный взгляд Джейн.

– Я хочу извиниться перед тобой, – начала Сэм. Подобное поведение было недостойно ее самой, они обе это понимали. – Мне нельзя было срывать на тебя. Это недопустимо. От всего, связанного с Лизой... у меня, похоже, голова идет кругом. – Она ждала реакции. – Джейн? – обратилась она к менеджеру, когда ответа не последовало.

– Есть еще кое-что, – проговорила Джейн. – Не знаю, как тебе об этом сказать...

– Что? – Сэм впечилась в будду так сильно, что у нее побелели костяшки пальцев. – Она говорит, что ничего не было? Она решила все отрицать?

– Не совсем, – протянула менеджер. – Лиза не отрицает, что это все было. Но, с ее слов, она по-другому помнит этот случай. – Джейн глубоко вздохнула. – Она говорит, что произошедшее между вами... Сэм, думаю, она считает, что ты ее изнасиловала.

⁴ Английское торговое судно, на котором в Америку прибыли англичане, основавшие Плимутскую колонию – одно из первых британских поселений на континенте. Подобные отсылки обычно призваны свидетельствовать об особом привилегированном социальном статусе человека.

3

Если бы вы спросили Саманту, где она была в первые мгновения после того, как Джейн озвучила ей обвинение Лизы, то она бы сказала, что понимала, где именно она находится: в своей квартире в доме довоенной постройки на Верхнем Вест-Сайде⁵, откуда с крыши открывался отличный вид на реку. Но Саманта ощутила, будто она покинула свое тело: она больше не чувствовала ни своих ног на полу, ни рук, вцепившихся в обивку дивана, будто она силилась не улететь ввысь. Джейн оставалась с ней, произнося слова, которые уже не долетали до Сэм. Она чувствовала себя крайне легкой, казалось, она растворяется в воздухе. Смутно она ощущала, как Джейн укрывает ее покрывалом из шотландского твида, который пах ее любимым парфюмом. Менеджер сидела рядом, приговаривая: «Мы со всем разберемся, Сэм. Обещаю». Сэм не могла точно сказать, как долго они просидели в тишине, сколько времени ее телу потребовалось, чтобы унять дрожь, как долго тектонические плиты в ее мозгу сдвигались обратно на свои места и как долго ее дух возвращался в родное тело. Джейн, ворча, что-то искала в сумке:

– Не ту неделю выбрала, чтобы бросать курить.

– Курить мерзко. Прожигает легкие, – машинально промямлила Сэм. Движением плеч она скинула с себя покрывало. – Перенаправь мне письмо Лизы. Я хочу его прочитать сама.

Переполненное опечатками сообщение выглядело бессвязным:

прочла твоё эссе в Блэкаут как ты могла написать такое обо мне?! стыдно... нельзя бросаться такими вещами. я мать. у меня две девочки. что они подумают? зачем ты меня подставила? это было только между нами, Сэм. зачем ты все это рассказала? та ночь... я не хотела этого я не такая. но если Сэм решил на что-то, то это произойдет. не важно, хочешь ты этого или нет. ты просто делала, что хотела! тебе было все равно на мои чувства. взяла, что хотела. к черту, согласна я или нет.

Сэм подняла глаза от айфона. Ей показалось, что сейчас она упадет в обморок. Голова кружилась.

– Боже мой, – проговорила она. – То есть она намекает, что я... – Она разжала пальцы и выпустила мобильный телефон, прилегла на диван, обхватив руками голову. Саманта постоянно говорила своим поклонницам о том, как важно плакать, потому что в плаче заключен *катарсис*. Но вот сейчас, когда ей было особенно нужно разреветься, она столкнулась с тем, что у нее не получается заплакать. Ее всю трясло от усилия дать волю слезам.

Джейн подождала, пока сухие всхлипы не прекратили сотрясать тело Сэм и та не замерла.

– Готова? – поинтересовалась менеджер. – Нам надо разработать план действий.

Они проговорили до раннего утра. Гостиная превратилась в командный пункт.

– Не могу понять, – сказала Сэм. Она то и дело отводила в сторону свои длинные волосы и давала им опасть вниз мерцающей волной. – Не могу понять, почему она решила написать что-то подобное. В этом нет никакой логики. – Сэм посмотрела в сторону Джейн. – Зачем ей все это?

– Не знаю.

– Но *зачем* врать о таком? К чему...

– Стоп, – отрезала Джейн. – Ты мне уже раз десятый задаешь этот вопрос. Я понимаю, что ты пережила шок. Но нам нужно сконцентрироваться. Какие у нас есть варианты?

– Ты о чем? Какие варианты?

⁵ Элитный район Нью-Йорка.

– Мы должны разобраться с этой ситуацией, пока она не превратилась в полноценную проблему. Наверно, ты могла бы отозвать эссе, но это ударит по продажам книги. – Джейн передернуло от одной мысли о подобной перспективе. – Ну и это подорвет к тебе доверие на долгие годы.

– Продажи? Меня обвиняют в *изнасиловании*, а ты беспокоишься о продажах.

– Само собой, ведь у меня комиссия пятнадцать процентов от суммы продаж. – Джейн сохраняла спокойствие. Она разломала одноразовые палочки и полезла в коробочку с едой вылавливать креветки. Запоздалый ужин она заказала еще в полночь, когда стало понятно, что дома она окажется еще нескоро. – Я понимаю, что ты расстроена, но это моя работа – беспокоиться о таких вещах.

Сэм подобрала телефон и еще раз просмотрела письмо.

– Знаешь, здесь что-то не так. Все эти ошибки. Это не похоже на Лизу. В школе она была отличницей, она... Как думаешь, с ней все в порядке?

– Это прозвучит бессердечно, но мне вообще по барабану на нее. Слишком многое у нас сейчас на кону. – Джейн вперилась в свою курицу по-сычуаньски, избегая взгляда Сэм. – Подумай о том, как это может сказаться на продаже акций «Шакти».

– Никак. – Все внутри Саманты похолодело. – Мы вышли на финишную прямую. К тому же на моей стороне Тедди. Он пообещал позаботиться обо мне.

– Но он не единственный инвестор. В конечном счете речь идет о миллионах долларов. Если совет директоров решит, что от тебя будут одни проблемы, то Тедди ничего не сможет поделать с этим.

– Блин! – выругалась Сэм. Она с самого начала не была уверена, что выход на биржу – правильное решение для «Шакти», но замолкла, когда Джейн назвала сумму ее вознаграждения. После такой огромной сделки была вполне реальная возможность попасть на обложку «Форбс» и быть объявленной финансовым гением. Хвалебную статью бы прочитали все жители ее родного городка, в том числе Лиза и, что в особенности важно, Джош. Упустить эту сделку она не могла. Слишком близка была развязка. – Не верится, что это в самом деле происходит. – Сэм прикрыла глаза руками. – Несправедливо все это. Я порядочный человек. Я этого не заслужила.

– Отставить панику, – отрезала Джейн. – Пока это лишь одно сообщение, о котором знаем только ты и я. Еще есть время все исправить. – Менеджер запнулась. – Я все-таки спрошу тебя один-единственный раз. Будь со мной, пожалуйста, полностью откровенна. – Голос Джейн звучал глухо. – Это правда?

Сэм резко вдохнула.

– Ты серьезно? Я же сама жертва. Я *никогда* бы не сделала что-то подобное. – Бесчисленное множество ночей она просыпалась в липком поту от кошмара в уверенности, что снова ощущает на себе прикосновение тех самых рук, которые норовили порвать ее на части, и слышит залиvistый смех, с которым они наблюдали, как она падает спиной вниз, размахивая в воздухе руками и ногами. Каждую ночь – в одно и то же время. Тело ничего не забывает, как выражалась ее психотерапевт. Когда Сэм пыталась вновь впасть в беспмятство сна, ей неизменно приходила на ум одна и та же мысль: «*Их тела наверняка ничего не помнят, уверена, что они спокойно спят всю ночь напролет*». – Не верю, что ты задаешь мне подобный вопрос, Джейн. Разве ты когда-нибудь ловила меня на лжи?

– Нет, – пришлось признать менеджеру. Нежелание Саманты рекламировать товары, в которых она не была уверена на все 100 %, или поделиться цитатой из книги, которая ей не нравилась, было для них традиционным камнем преткновения. Сэм всегда настаивала, что ее порядочность нельзя было купить. – Но чего же тогда добивается Лиза? – Джейн с гримасой шмякнула картонную коробочку с едой на кофейный столик. – Она же могла ограничиться

обвинением о вмешательстве в личную жизнь и потребовать отозвать статью из *«Блэкаут»*. Зачем она приплела свое согласие тогда?

– Не знаю... – Сэм ощутила короткое замыкание в мозгу. В ее голове канючил детский голосок: *«Так нечестно»*. – Может быть, из-за Джоша? – выпалила она. – Он меня ненавидит. Не думаю, что он был в восторге от эссе. Он бы... Блин. – Саманта откинулась на спинку дивана. Кровь отхлынула от ее лица. – *Черт возьми*. Я знаю, зачем ей все это. В интервью...

Менеджер было начала спрашивать:

– В котором интервью? – За неделю до выхода книги встреч с журналистами было слишком много. Сэм прервала Джейн.

– Для *«Блэкаут»*, – проговорила она нетерпеливо. – Интервью, которое сопровождает эссе. Я сказала, что в следующей книге собираюсь затронуть табуированные темы и рассказать о том, что не упоминала даже на страницах *«Добровольного безмолвия»*.

– Ты об абортах? – нахмурилась Джейн. Они не один год спорили по поводу того, насколько правильно Сэм поступила, публично выступив «за выбор» матери, а не «за жизнь» ребенка. Саманта же настаивала, что у каждой четвертой американки была прерванная беременность – как раз у некоторых молодых женщин, которые составляли ее целевую аудиторию. Но менеджер все равно колебалась по поводу такой перспективы, опасаясь отчуждения поклонниц из республиканских штатов. – Какого хрена ты выплеснула все это, не согласовав предварительно со мной?

– Я дико устала, – возразила Сэм. – Это было после ночного рейса из Лондона. Это было мое пятое интервью за утро. Журналистка спросила, о чем будет моя следующая книга. Ничего другого мне в голову не пришло. Слова сами хлынули из меня.

– Ты слишком давно играешь в эти игры, чтобы допускать такие промахи, – сказала Джейн, качая головой. – Все равно непонятно, какое дело Лизе до того, что ты «за выбор»? С ней-то это как связано?

– Связь есть, и большая. Я поклялась Лизе, что никогда не расскажу эту историю.

– Почему?

Сэм лишь приподняла брови в ответ. На лице менеджера медленно отобразилась догадка.

– Потому что эта история – не мой секрет.

4

Саманта наблюдала, как Джейн собирала свои вещи. Ей очень хотелось упростить менеджера остаться с ней. *«Пожалуйста, – безмолвно молила она. – Пожалуйста, не оставляй меня здесь одну»*. Джейн встала и вытянулась перед Сэм, смотря на ту сверху вниз.

– Направляйся-ка ты утром в Бенфорд, – сказала менеджер. – Не важно, какую мелодраму пережили вы с Лизой в детстве. Тебе нужно удостовериться, что никто больше не узнает об этом письме. Ты одна из самых пленительных женщин, которых я знаю, – проговорила Джейн. Эти слова не звучали как комплимент. – Пришло время еще раз опробовать свои пресловутые чары убеждения. Разреши эту ситуацию, пока она не превратилась в реальную проблему.

Менеджер ушла, оставив Сэм наедине с ее дорогими и красивыми вещами, а заодно и с витающим в воздухе плотным запахом китайской еды. Ужас, накатываясь темными волнами, подступил к самому горлу Саманты. Она ощущала нарастающий прилив страха, который был готов в любой миг накрыть ее с головой.

– Я не сделала ничего плохого, – проговорила она вслух. Слова отдались гулким эхом в пустой квартире. – Я хороший человек, – прошептала она, тяжело опускаясь на пол. – Я хороший человек, – повторяла она снова и снова. Сэм остро нуждалась в том, чтобы кто-нибудь хоть как-то поддержал ее в этот момент, убедил ее, что все будет хорошо. Но она не могла припомнить ни одного человека, которому она была бы готова доверить свою историю. *«Я одна, – подумала она. – Я так одинока»*.

До *«Целомудрия»* она бы отправилась в бар, подцепила первого попавшегося мужчину и рванула к нему домой, чтобы в соприкосновении с телом другого человека на время прикинуться, что она счастлива. Но этот путь был теперь для нее закрыт. Поэтому она отправилась в постель со своими дурными мыслями, которые безвозвратно рассеивались над ней облаком, как бесчисленные пушинки с поля одуванчиков. Сэм все думала о письме, о том, что будет, если его содержание станет достоянием общественности, и о том, что о ней скажут люди. Она вспоминала ту ночь и все другие ночи, которые они с Лизой были вместе. Неужели она слишком долго держала подругу за руку? Или, сама того не осознавая, нечаянно прикоснулась к Лизе во сне? Саманта рылась в руинах их дружбы в поисках осколков шрапнели, которыми, со слов Лизы, Сэм оставила глубокие раны на сердце подруги. Саманта была напугана, и страх творил из малейших теней чудовищ, которые медленно надвигались на нее. Пролежав так с час, она поднялась и начала спешно рыться в косметичках, которые брала с собой в недавнее европейское турне. Наконец она нашла наполовину опустошенную баночку мелатонина и немедленно, даже не налив себе воды, проглотила две таблетки.

Саманта проснулась в шесть часов утра с сухостью во рту и во влажной от пота ночнушке. Следы странных до необъяснимости снов растворились в ее ладонях. Приняв душ, Сэм присела у молитвенной подставки и попыталась совершить медитацию на высвобождение сердца, но ей не удалось достигнуть отрешенности, по крайней мере, той расцветающей покоем в ее легких безмятежности, к которой она привыкла, когда обычно приветствовала саму себя по возвращении домой. Лиза – единственное, что заполняло ее мысли. Ее слова, ее письмо, ее скрытый намек. В голове Саманты крутились самые худшие варианты развития ситуации. Травля в «Твиттере». Ожесточенные призывы «отменить» ее. Уничтоженная дотла репутация. Закрытие «Шакти». Безутешные девушки, которые собьются с верного пути без ее наставлений. В расстроенных чувствах Сэм сбросила покрывало с ног и наконец-то кинулась звонить своему психотерапевту. Она написала на личный номер, которым Диана делилась только с «особыми» клиентами. Сэм уселась в ожидании Зум-созвона в кабинете. Откинувшись на спинку кресла, она рассматривала полки над письменным столом. Все зарубежные издания ее первых мемуаров – переводы на тридцать семь языков, бестселлеры № 1 практически везде,

где они выходили. Постер фильма «Добровольное безмолвие» с уже ставшим культовым изображением прячущейся под кроватью и прикрывающей рот рукой девушки-блондинки, по щеке которой катится одинокая слеза. Фотография Сэм на «Оскарах» в компании членов съемочной группы, на фоне которой выделялась Энн Хэтэуэй в струящемся тюлевым платье и со статуэткой в номинации «Лучшая актриса» в руках, которую она обнимала, будто младенца. Список бестселлеров, вырезанный из «*Нью-Йорк таймс*» и помещенный в рамку, – неоспоримое доказательство того, что она в какой-то момент была автором самой популярной книги в стране. «*Ты добилась блестящих успехов, – обратилась к себе мысленно Сэм. – Никто не сможет отнять у тебя это.*»

– Мы с вами работаем уже много лет, Диана. Вы меня знаете лучше, чем кто-либо. Как вы думаете, могу ли я заставить кого-либо заниматься сексом без его согласия? – Сэм прищурилась, силясь лучше рассмотреть лицо психотерапевта. Блики на экране только мешали раздраженным из-за недосыпа глазам. – Я... – Она вдохнула, чтобы успокоиться. – Я же не способна на такое. Кому, как не вам, это знать?

– Я знаю одно точно, – произнесла пожилая женщина по ту сторону экрана. В голосе Дианы отчетливо слышались нотки уроженки Новой Англии. – Мы все способны и на добро, и на зло. Все зависит от того, как сложатся обстоятельства. Мы делаем только себе хуже, пытаясь спрятаться от нашей темной стороны.

– Ну да. – Сэм не была готова сегодня выслушивать лекции Дианы о превратностях бинарного мышления в свете всего, что сейчас происходило с ней. – Я все это знаю и все это изучала. Я прошла все «Двенадцать ступеней»⁶ и примирилась с теми, кого обидела. Я понимаю, что совершала ошибки. Но разве во время наших сессий мы могли бы пропустить такую «ошибку», как изнасилование?

– Саманта. – Диана склонила голову. По ее виду было понятно, что она не желала потакать Сэм. Саманта общалась за прошедшие годы со многими психотерапевтами и всегда гордилась тем, как умело переигрывала их. Она испытывала их выдержку, чтобы посмотреть, кто первым – они или она – пойдут на попятную. Психотерапевты обычно выражали благоговение либо восхищение перед лицом ее успеха. Они твердили, что для них честь принимать у себя такую пациентку. «*Присаживайтесь поскорее и располагайтесь поудобнее!*» Но у Дианы не было желания тратить время на такие игры. Она была одной из небольшого числа людей в жизни Саманты, кого ее очарование никак не трогало и даже настораживало. Диана подводила Сэм к мысли о том, что ее потребность «приворожить» каждого нового встречного сказывалась на том, как она строила дружеские отношения. Саманта держала дистанцию от близких людей в страхе, что те будут разочарованы, когда увидят, что скрывается за ее ослепительной харизмой. Это распространялось и на мужчин, с которыми она встречалась. Именно Диана первой предположила, что Сэм не наркоманка и что ей следует обратить внимание и на ее любовные и дружеские отношения с людьми. – Любопытно, почему вы испытываете потребность заниматься сексом с каждым мужчиной, который готов лечь с вами в постель, – заметила психотерапевт на одной из их первых сессий.

Сейчас же Диана спокойно продолжила свою мысль:

– Мы обе знаем, что память – тонкая штука. Да, маловероятно, что женщина, с которой я знакома по нашей совместной работе, пошла бы на такое, но... – Она подняла руку, преграждая клиентке путь к ликованию по поводу этой редкой индугенции: – Вы не думаете, что Лиза, возможно, помнит ту ночь по-другому?

⁶ Программа реабилитации, первоначально разработанная содружеством «Анонимные алкоголики» и используемая в настоящее время для работы с различными видами зависимости. Выстроена на предположении, что человек неспособен полностью контролировать свои вредные привычки и должен искать поддержки в обращении к Высшей силе.

– Ради бога! Забыть, какое платье надела на выпускной, и не вспомнить, что ты *сексуальная маньячка*, не одно и то же.

– Саманта...

– Я этого не делала. – Сэм хлопнула по столу ладонью, которая сразу начала саднить от боли. – Вы понимаете, как страшно оттого, что кто-то может просто *сказать* такое, а у тебя нет никаких возможностей доказать, что он врет? И это после всего того, через что я прошла...

– Мне очень жаль. – Диана вздохнула, сняла очки и начала протирать стекла. – Скорее всего, эта ситуация тем более болезненна для вас в свете вашей собственной истории с травмами на сексуальной почве. – Она сочувственно цокнула языком. – К тому же вы активно освещаете эту проблематику в публичной сфере. Многие мои клиенты упоминают вас и вашу работу. Они отмечают, как сильно им помогла оправиться от собственной боли ваша готовность рассказать о насилии над вами. Вы должны гордиться этим, Саманта.

– Я и горжусь, – проговорила Сэм. – Но прошлой ночью, когда Джейн уехала... Я сидела как истукан и разглядывала телефон, понимая, что мне некому позвонить. Вы единственный человек, которому я могу довериться, Диана. Да и то только потому, что я раскошеливаюсь, чтобы быть уверенной, что могу доверять вам!

– А как же Татум? Разве она не ваша ближайшая подруга.

Саманта и Татум познакомились осенью 2009 года на тренировке из серии «Йога – людям!». Сэм заметила в первом ряду огненно-рыжую копну волос, собранную в хвостик, и усеянные веснушками бледные руки. Она едва удержалась, чтобы не выкрикнуть: «*Лиза?*» По окончании сессии Сэм не преминула познакомиться с незнакомкой и пригласить ее продегустировать зеленые смузи. Так началась их дружба. Но Сэм не была готова поделиться последними новостями с Татум.

– Собирались ли вы позвонить ей? – уточнила Диана. – Мы уже говорили с вами, как важно впускать людей в свой внутренний мир.

– Лизу япустила. И вот что из этого получилось. – Сэм поднесла тыльную сторону руки к носу, чтобы сдержать сопли. – А знаете, что самое глупое в этой ситуации? Я *хотела*, чтобы Лиза прочитала мое эссе. Хотя они абсолютно недвусмысленно дали мне понять, что мне больше нет места в их жизни, я все же надеялась, что, прочитав эссе, Лиза вспомнит, как мы любили друг друга. Боже. – Сэм снова расплакалась. – А я-то думала, что уже пережила все это.

– Друзья наносят нам глубочайшую рану своим отказом общаться с нами. Особенно друзья юности – времени, когда формируется наше представление о собственной идентичности, которое мы переносим во взрослую жизнь. От такой раны не так легко оправиться. – Диана выждала некоторое время. – Мы с вами давно не поднимали эту тему. Было бы полезно, если бы мы...

– Не сегодня. Я не готова.

– Хорошо. – Психотерапевт подняла умиротворяюще ладони. – Но, может быть, все-таки стоит позвонить Лизе? Я понимаю, что вы тревожитесь из-за нее. Возможно, это поможет вам успокоиться.

– Джейн как раз уговаривала меня так поступить. Она считает, что мне лучше всего съездить в Бенфорд и уговорить Лизу поставить точку в нашей истории.

– А чего хотите *вы сами*, Саманта? Что вам подсказывает интуиция?

– Не уверена. Наверно, я все время возвращаюсь к мысли о служении людям. Я карьеру выстроила на помощи окружающим. Почему мне хотя бы не *попытаться* помочь и Лизе? Ее письмо... Мне не кажется, что у нее все в порядке.

– Будет неэтично, если я начну комментировать поведение людей, которые не являются моими пациентами. Вернемся к тому, о чем мы говорили, Саманта. Как вы думаете, принесет

ли вам успокоение поездка домой? – В голосе дамы явственно читалось, что она ждет утвердительного ответа. – Вы ведь так и не разобрались с...

– Я уже говорила, что не хочу об этом говорить сегодня.

– Понимаю. Но все же позволю себе еще один вопрос. Возможно, он вам будет не по душе, но надеюсь, что вы постараетесь на него ответить. – Диана посмотрела ей прямо в глаза через монитор. – Что значило бы для вас, Саманта, принять, что это правда? Что это правда, какой ее видит Лиза? Что она искренне верит в отсутствие согласия с ее стороны в произошедшем между вами? Что бы это значило для вас?

– Но это же неправда. Я ничего такого не делала.

– Хорошо, – ответила Диана. – Но давайте попробуем провести мысленный эксперимент. Можете буквально на мгновение представить, что это правда?

Сэм закрыла глаза и представила себе, что просыпается в мире, где все это было правдой, в мире, где она была ничем не лучше мужчин, которые причинили ей боль. Саманта почувствовала, как под ней разверзается земля. Будто кто-то открыл тайный люк, и она начинает падать, падает и продолжает падать, и этому падению нет конца. От этого нет спасения, подумалось ей. Это падение растянется на целую вечность. Сэм ухватила за края стола, чтобы вернуть равновесие.

– Я не делала этого, – прошептала она. – Вы-то мне верите?

– Неважно, кому и чему я верю. Важно – во что верит Лиза. Вот в чем вопрос. – Диана теребила шелковый платок на шее. Сэм вдруг осознала, что никогда прежде не видела своего психотерапевта с открытым горлом и собирающейся в складки морщинистой кожей. Она почувствовала себя крайне неловко, будто пожилая женщина впервые полностью обнажилась перед ней. – Я полагаю, Саманта, что вы найдете ответ на этот вопрос только в одном случае: если вернетесь домой.

5

31 декабря 1998 года

Сэм услышала, что он ее зовет по имени, и взглянула через плечо. Вот и он. Высоко подняв над головой одноразовые пластиковые стаканчики, полные пива, пробивается через плотную толпу потных тел. Джош по телефону сообщил о вечеринке, которую устраивала у себя какая-то девушка из школы. Сэм не знала ее по имени. Родители девушки были вынуждены отлучиться по семейным обстоятельствам и легкомысленно доверились своей семнадцатилетней дочери, которая поклялась, что никаких гулянок в их отсутствие не будет.

– На сегодняшний вечер у нас нет планов. Пойдем? – предложила Сэм во время созвона. Она сразу же подумала, что двадцатки хватит, чтобы подкупить старшего брата Лизы и попросить его купить им в магазине упаковку из шести банок винных коктейлей.

– Да без разницы, – ответил Джош. – Главное, чтобы в полночь мы были вместе.

Джош протянул ей пиво. Глаза его опустились к вырезу с рюшами на ее платье на тоненьких бретельках. – Выглядишь улетно, детка. – Он потянулся вперед, чтобы поцеловать ее в шею. Кончики его пальцев пробежали вниз по ее спине. По телу Сэм пробежали мурашки. Она заметила завистливые выражения лиц у сгрудившихся в углу комнаты девушек, которые не сводили с них глаз. Саманта Миллер была самой красивой девушкой, а Джош Тейлор – самым симпатичным парнем среди всех ребят в предпоследних, одиннадцатых классах. Все утверждали, что они должны были стать парой по умолчанию. Они идеально подходили друг другу.

– Мальш, остановись. – Сэм оттолкнула его. – Не здесь. – Она схватила его за руку и развернула так, чтобы рассмотреть время на его часах. – Сколько уже?

– Десять минут до конца года, – сказал он, уткнувшись носом в ее волосы.

– Черт, а где Лиза? Уже целая вечность прошла, как она ушла в ванную.

Джош пожал плечами. Затягиваясь пивом, он приобнял ее, обхватив рукой грудь. Сэм увернулась от объятий и отдала ему свой красный стаканчик. – Держи. Пойду искать ее. – Она бросила ему воздушный поцелуй. – Одна нога здесь, другая там.

– Не видели Лизу? – спрашивала она каждого хоть мало-мальски знакомого человека, сиюсь перекричать оглушительный грохот музыки. Все, что она получала в ответ, – перекосенные лица и «Чего? Ничего не слышно!». Сэм заглянула в ванную, на кухню, в сад, даже в гараж, где развернулся турнир по бир-понгу. На предложение парней присоединиться к игре она только помотала головой «нет-нет». Сэм прошла наверх. – Блин, простите, – пробурчала она, когда за дверью хозяйской спальни обнаружилась полуголая парочка, и ретировалась как можно скорее. Наконец Сэм оказалась в маленькой спальне, которая напоминала детскую: бледно-розовые стены, лампа из ракушек на прикроватном столике, маленькая кровать с лоскутным покрывалом. А через открытое окно, выходящее на плоскую крышу, она увидела Лизу. Та сидела прямо на черепице в своей стеганой куртке. Сэм подхватила покрывало и вылезла на крышу к подруге. Лиза не удивилась появлению Саманты. Она лишь улыбнулась, придвинулась к Сэм, пытаясь согреться, и поцеловала ее в макушку.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Сэм, натягивая одеяло до самого подбородка.

– Там жутко шумно. – Лиза затаилась сигаретой и выпустила дым через уголок рта. – Мне нужна была передышка.

– Я подумала, что ты ушла домой.

– Не попрощавшись с тобой? Никогда. – Лиза показала на небо и провела пальцем по небосводу с темно-синими завитками ночной мглы и маленькими вкраплениями звездочек. – Только посмотри. Скажи – красотища? – Сэм пробормотала что-то в знак согласия. Музыка внизу неожиданно затихла. Кто-то заорал:

– Ребята, скоро полночь! Здравствуй, 1999 год!

– Тебе лучше вернуться к твоему бойфренду, – заметила Лиза. Но они не сдвинулись с места. Внизу послышался обратный отсчет хором. «10, 9, 8...» Сэм обхватила Лизу за талию и крепко прижала к себе. «7, 6, 5...»

Саманте показалось, что она слышит, как ее зовет Джош. «Сэм, ты где? Сэм?» Но она заверила себя, что ей это могло лишь показаться.

– Нет, – проговорила Сэм. «4, 3, 2». – Ни с кем другим я бы не хотела начать новый год. Только с тобой.

6

4 января 2022 года

2 922 452

Гостиница «Бенфорд» располагалась в побеленном викторианском особняке на берегу реки. Карнизы и высокие фронтоны украшали резные деревянные детали. Внутри царил старомодный шик, как выразилась бы Сэм: дубовая отделка, огромные восточные ковры и картины маслом с кораблями в бушующих морях на всех стенах.

– Добрый день, – поздоровалась Саманта, опуская свою компактную дорожную сумку к ногам. Сэм взяла с собой только самое необходимое. Она не планировала задерживаться здесь надолго. – Моя помощница забронировала для меня номер на имя «Миллер».

Сэм улыбнулась молодому человеку на ресепшен. Перед ней высился нескладный мальчишка с копной рыжих волос в пиджаке с запятым горчицей лацканом. На бейджике значилось имя: «Коди». Внимательно наблюдая за тем, как он оформляет документы, она все еще ждала знакомой реакции, которая обычно возникала в замедленном времени у людей, до которых постепенно доходило, кто перед ними. Но парень оставался невозмутимым. Впрочем, в его оправдание можно было сказать, что он не был частью ее целевой аудитории.

– Добро пожаловать в гостиницу «Бенфорд», – отгарабанил Коди, весь покрасневший. Сэм не была уверена, почему он так смутился: либо он нашел ее привлекательной, либо он просто был рад женской компании. – Да, все забронировано, мисс Миллер. Вы проведете у нас три ночи, верно?

Она кивнула.

– Отлично. Следуйте за мной. – И он подхватил ее сумку от «Луи Виттон», не дав ей времени отреагировать. Коди повел ее наверх по отделанной клетчатым ковровином лестнице с трясущимися от любого прикосновения расшатанными перилами. По пути он рассказывал о местных достопримечательностях. – Поблизости есть чем заняться: походы, велопогулки, рыбалка, лодочный спорт. Хотя сейчас, возможно, холодновато для такого отдыха! Бенфорд – типичный городок Новой Англии. Вам он особенно придется по душе, если вы любите антиквариат. Заказать вам столик в нашем ресторане? – спросил он, открывая ей дверь. Они оказались в большой комнате с кроватью под балдахин и аляпистыми обоями в тон обивке кресла у камина.

– Нет, спасибо. – Сэм запнулась. – Коди, вы выросли в этих местах?

Он кивнул.

– Вы знаете Тейлоров? Джоша и Лизу Тейлор?

Глаза Коди сразу загорелись, лицо просветлело.

– Да-да, – охотно признался он. – Мистер Тейлор дал мне мою первую работу. Я работал в офисе его компании в Стэмбери. Он дал мне шанс, хотя у меня даже школьного аттестата тогда еще не было. Я не был бы сейчас здесь, если бы не он.

– Как мило. А вы знакомы с его женой? Кажется, ее Лизой зовут?

– Кхм... – Он откашлялся и потупил взгляд. – Даже не знаю, что сказать. Я ее видел пару раз, когда что-то передавал мистеру Тейлору. Вроде она нормальная. – Сэм пыталась расшифровать, что именно скрывалось за его словами. – Могу еще быть вам чем-то в помощь, мисс?

– Простите? Отвлеклась.

Коди не ответил. Он стоял с выжидающим выражением лица. Саманте вдруг стало не по себе. «Нет, я так больше не делаю», хотелось ей сказать. В параллельной вселенной другая

Сэм, которую она похоронила под тонким слоем грунта, без колебаний подошла бы к другому Коди, расстегнула бы ему ширинку, упала бы на колени и отсосала бы ему без лишних комплексов. А тот, оправившись после шока, который такой поворот вызывал у некоторых мужчин, по окончании действия поблагодарил бы ее, запинаясь, с такой искренностью, от которой у нее защемило бы сердце. А возможно, этот мальчишка, краснеющий от одного взгляда на нее, как раз и предвкушает такое развитие событий. Возможно, он знает, женщиной какого поведения она когда-то была, и, ухватив ее сзади за шею, прикажет ей *заглотнуть поглубже*. И та, другая Сэм, с готовностью согласится. Ей не впервой. И она, прикрыв глаза, будет представлять себе, что перед ней стоит Джош Тейлор и что кончает ей в рот Джош Тейлор. Она всегда представляла себе, что была с ним.

– Мисс Миллер, с вами все в порядке?

– Да, простите. – Она закопалась в сумочке в поисках пятидесятидолларовой купюры. Мальчишка ожидал чаевых. Она протянула служащему деньги и отмахнулась, когда он протестовал, что это слишком большая сумма. – Вы очень помогли мне, Коди, – сказала она и закрыла за ним дверь.

Саманта сейчас была сама не своя. Вот в чем проблема. После проклятого письма она не могла выспаться, и это начало сказываться на ее состоянии. Сэм упала на кровать, дав своему телу погрузиться в матрас. Она уставилась в бесформенное водянистое пятно на потолке, по которому ползали две черные мухи. *«Лиза думает, что ты ее изнасиловала»*. Неприятные мысли настигли ее быстро и следовали за ней неотступно. *«Она думает, что произошедшее было без ее согласия. Зачем ей все это? Нечестно»*. Сэм попыталась уговорить себя разобрать вещи, развесить одежду в старомодном гардеробе и окурить комнату связкой шалфея, чтобы избавиться от остатков энергии предшествующих гостей. А потом отправиться на поиски Лизы, взглянуть ей в глаза и спросить, почему она решила соврать по поводу того, что было между ними. *«Да не захочет она иметь с тобой дело. Лиза думает, что ты ее изнасиловала. Как же я любила ее! Я никогда бы не сделала такого. Я никогда...»* Сэм накрылась лоскутным покрывалом с головой. Нет, в первую очередь стоит позвонить матери. Сэм собиралась набрать ее еще по дороге, но дала слабину, оттягивая этот момент. С приближением к Бенфорду она чувствовала, как сильно трусит. С каждым пролетающим километром она неуклонно теряла самообладание. Что она могла сказать Каролине? Можно ли вообще что-то сказать в такой ситуации?

Телефон Саманты пискнул. Она потянулась и пошарила рукой на деревянной тумбочке в поисках аппарата. Свернувшись калачиком под покрывалом, она прочла письмо от своего менеджера.

надеюсь, что гостиница подошла. дарси говорит, что все отзывы на трипэдвайзере положительные. у меня тут мысль была почему бы вам с лизой не написать книгу вместе?!?! можно развить темы, которые ты поднимаешь в эссе. естественно, мы учтем точку зрения лизы (если она будет в общей струе). это была бы хорошая возможность, к тому же перекроем малейшие намеки на насилие. все в шоколаде. не знаешь, как у лизы сейчас с деньгами? целую.

Насилие. Она даже прошептала *«Какого черта?»* на замечание Джейн, что все это лишь *«хорошая возможность»* продать больше книг. Сэм все возвращалась к этому слову: «насилие». Ее глаза зацепились за него, за его сущностную невозможность. *Насилие. НасилиеНасилиеНасилиеНасилие*. Она столько раз произнесла это слово про себя, что оно утратило весь смысл.

– Семантическое насыщение. Вот как называется эта штука, – заявила ей когда-то Лиза по дороге из школы. Джоша не было с ними. По крайней мере, по воспоминаниям Сэм они не были вместе в тот день. А значит, это было примерно в десятом классе школы. Та замеча-

тельная пора, когда они были вдвоем и когда не было нужды соперничать за время и расположение Лизы. Во время одной ночевки Лиза прошептала, крепко держа ее за руку, «как нам повезло». «Только представь, что было бы, если бы твои родители не переехали в Бенфорд? Мы бы могли вообще не познакомиться». Лиза из воспоминания о прогулке до дома продолжила: – Это психологический феномен, когда слово из-за повторения утрачивает временно свой смысл, и человек воспринимает его как пустой звук. – Лиза всегда обожала новые слова, и чем запутаннее, тем лучше. Лиза, а не Сэм, мечтала стать писательницей. Но подруге не хватало той *изюминки*, которая позволила бы ей выделиться на общем фоне. Нехватка харизмы или притягательности. Называйте это как хотите. Лиза никогда бы не достигла того, чего удалось добиться Сэм. Возможно, в этом-то и заключалась их проблема. Возможно, Лиза долго наблюдала за тем, как Саманта достигает успеха, масштаба которого ни одна из них не могла себе вообразить. И теперь ей хотелось увидеть полный крах бывшей подруги.

Сэм годом ранее стукнуло сорок лет. Детство казалось ей оставшимся далеко позади рубежом. Но от него остались обрывки воспоминаний, столь неразрывно связанные с человеком, в которого она превратилась, что они всплывали в памяти ослепительно ярким техноколором голливудского кино. Например, утро после празднования восемнадцатилетия Лизы. Потягивающиеся руки. Глаза, жмурящиеся от резкого солнечного света, который наполнял ее спальню. Несвежее дыхание с пивной отдушкой. Стук похмелья в висках. Лиза рядом в постели. Обнаженные руки и ноги. Копна рыжих волос. Раскрасневшаяся кожа в веснушках. Юная Сэм улыбнулась, вспоминая, как приятно они провели прошлую ночь. Легкое поскуливание, вырвавшееся из нее. Ладонь, прервавшая стон. Шепот: «*Шшиш, а то нас могут услышать*».

– С добрым утром. – Сэм нагнулась за очередным поцелуем, но Лиза оттолкнула ее.

– Нет, – проямлила она.

Сэм уставилась на подругу.

– Но вчера же ты... Не понимаю. Ты прямо набросилась на меня прошлой ночью. Ты же все и начала. Что изменилось?

Лиза не ответила. Да и что было говорить, когда они обе знали ответ: Джош Тейлор. Что он скажет? Вот все, что беспокоило Лизу в тот момент. Она сдвинулась к краю матраса, и, едва успев зажать рукой рот, дернулась в приступе тошноты. Эту картинку Сэм никак не могла выкинуть из головы, как бы сильно она ни старалась. Переехав в город после окончания школы, Саманта трансформировала себя в абсолютно нового человека. Блистательного и жесткого. Она превратила себя в женщину, общения с которой всегда искали люди. Новые знакомые теряли от нее голову, а ей, в свою очередь было всегда куда податься и с кем повеселиться. Но сколько бы дорожек кокса она ни нюхала и под скольких бы мужчин ни ложилась, давая прежде их глазам померкнуть от нетерпения, пока она медленно раздевалась перед ними, все ее мысли были только о Лизе, о том утре в ее комнате многие годы назад и об отвращении на лице подруги. Чувство стыда было всегда при Сэм: оно замерло у нее в горле в тот день, и выплюнуть его все никак не удавалось.

Сэм резко подскочила в постели. Ей пришла в голову идея. Номер телефона она вспомнила практически сразу. Сейчас ей уже практически не нужно было запоминать чужие номера, а этот она помнила наизусть, поскольку набирала его с тысячу раз.

– Добрый день, – ответил знакомый, слегка постаревший, но все еще властный голос учительницы начальных классов.

– Миссис Джонсон? Это я. Саманта. – На той стороне возникла пауза. На одно мгновение Сэм испугалась. Не рассказала ли Лиза матери о письме. – Саманта Миллер.

– Саманта! – воскликнула мать Лизы. – Какой приятный сюрприз! Я тебя совсем не видела после... – Она удержала себя от слов «*похорон твоего отца*». – Впрочем, я же посто-

янно вижу тебя по телевизору. Когда ты вышла на «Доброе утро, Америка»⁷, я даже пискнула! Рик подумал, что я мышь увидела! Ты была такой красивой. Всегда знала, что у тебя получится сбросить лишний вес. Я все время говорила твоей маме, что ты была такой пампушечкой в детстве, и это нормально. – Сэм поморщилась, но промолчала. Она давно усвоила урок, что спорить с миссис Джонсон было совершенно бессмысленно. – И как же обидно было, когда вы с Лизой прекратили общаться. Никогда не видела более близких подруг, чем вы. Она засыпала в слезах многие *месяцы* после того, как ты уехала. Я все пыталась ей объяснить, что ты вернешься на летние каникулы, но это не помогало. Наверное... – в голосе миссис Джонсон зазвучали укоризненные нотки, – ты теперь такая звезда. На всех времени не хватает.

– Не так уж я и знаменита. – Сэм впила ногтями себе в ладонь. Это *Лиза* прекратила с ней общаться, это *Лиза* заключила, что ей нужно выбирать между бойфрендом и лучшей подругой. И, по всей видимости, Сэм была обречена оказаться проигравшей. От чувства несправедливости хотелось заорать. – Но после того, как тебе исполняется сорок лет, начинаешь иначе смотреть на вещи, не так ли? Я... – Она запнулась. – Я надеюсь, что мы с Лизой сумеем наладить отношения.

– Да само собой! Вечеринка по случаю дня рождения все расставит по местам, – заключила миссис Джонсон. Саманта практически наяву видела свою собеседницу в ее обветшалом домике на Эллиот-стрит. Наверняка стоит сейчас в своем переднике с вышитыми розовыми розочками и тербит телефонный провод, охвативший тугим узлом ее пальцы. А самой Сэм будто снова было шестнадцать лет, и вот она толкает входную дверь и, бросив «*добрый день!*» женщине, проверяющей сочинения за кухонным столом, несется вверх в тесную спальню, которую Лиза делила со своей младшей сестренкой Джилл. Усыпанный крошками теней для век коврик. Лавовая лампа, исторгающая ярко-оранжевые шарики парафина. Стопка книжек у кровати: романы Донны Тартт и «*Дикие лебеди*» вперемешку с подростковыми книжками из серии «Школа в Ласковой долине», которыми зачитывалась Джилл. – Кстати, по поводу дней рождений, – продолжила миссис Джонсон. – Ты сможешь к нам присоединиться в день рождения Лизы в следующем месяце? Джош планирует устроить вечеринку. Ничего грандиозного, маленький праздник для своих, будут только члены семьи и близкие друзья. Я уверена, что они были бы счастливы тебя увидеть.

– Это зависит от моего графика, – медленно ответила Сэм. – У меня же только что вышла книга. Я сильно загружена.

Когда они были подростками, казалось, что им никогда не исполнится сорок. «Присоединимся к «Клубу 27»⁸, – заявила как-то Сэм, закашлявшись от травки. От дыма у нее начало саднить горло. Она передала косячок Лизе. Та изобразила, будто затянулась, и вернула его подруге. «Лучше сгореть, чем угаснуть» – так же говорят? – продолжила Сэм. «А кто это сказал? Курт?» – «Вообще-то, Нил Янг. Но все равно же правильно сказал. – Сэм передернула плечами. – Не хочу быть старой».

– Миссис Джонсон, не хочу вас задерживать. – Саманта очнулась от воспоминаний. – У меня к вам просьба. Могла бы я попросить у вас номер сотового Лизы?

Пожилая женщина сделала даже больше, поделившись также новым адресом Лизы.

– Честное скаутское, – пообещала миссис Джонсон, когда Сэм попросила не рассказывать о ее звонке. Она хотела, чтобы визит стал сюрпризом. – Они живут в очаровательном новом жилом комплексе, – пояснила миссис Джонсон. – Это на Вест-Кросс-стрит. Проект строительной компании Джоша. Чем-то напоминает дом твоей матери, только значительно большей площади, разумеется.

⁷ Утреннее телешоу на американском канале ABC. Выходит в эфир с 1975 года.

⁸ Популярное обозначение группы известных деятелей искусства, которые дожили лишь до двадцати семи лет. Чаще всего приводятся имена музыкантов Брайна Джонса, Джими Хендрикса, Джима Моррисона и Дженис Джоплин, жизнь которых была прервана в период с 1969 по 1971 год.

– Разумеется, – эхом отозвалась Сэм, закатывая глаза. Наконец-то она смогла завершить звонок.

Навигатор велел ее арендованной машине свернуть на узкую улочку и затем сделать резкий поворот направо. И вот перед ней ряд изящных домиков из красного кирпича с аккуратными двориками за черными оградами. Она доехала до дома № 63.

– Что за... – пробормотала Сэм, когда перед ней открылся во всей красе особнячок в тюдоровском стиле с витражными стеклами на окнах, идеально подстриженными газонами и огромным фонтаном. Сэм остановила машину на противоположной стороне улицы и некоторое время рассматривала здание, на минуту потеряв дар речи от изумления. Оно почти в точности воспроизводило дом, в котором выросла она, тот дом, у которого они стояли, обнявшись с Лизой, когда Сэм отправили учиться в школу в штате Юта. Они крепко обнялись, будто желали, чтобы все их косточки переплелись друг с другом. – Обещаешь писать? – спросила Сэм дрожащим голосом.

– Обещаю, – ответила Лиза. «*Обещаю, обещаю, обещаю*». Сэм вспомнила, как она неотрывно смотрела на Лизу через заднее окно машины. Ветер трепал рыжие локоны подруги, ей приходилось удерживать развевающийся подол платья в горошек. Фигурка Лизы становилась все меньше и меньше, пока не пришлось прищуриваться, чтобы рассмотреть ее. И тут машина завернула за угол, и Лиза исчезла.

На крыльце нового дома Тейлоров загорелся свет. Сэм вжалась в сиденье, чтобы остаться незамеченной. Ее сердце бешено колотилось. Она пониже опустила козырек кепки и подождала несколько секунд, прежде чем осмелилась бросить взгляд в сторону дома. На этом конце улицы не было фонарей, и было маловероятно, что кто-то смог бы заметить ее в машине. Сэм это хорошо понимала. Да даже если бы и заметили, то все равно не догадались бы, что это Саманта. Слишком много воды утекло. Стараясь не шуметь, она слегка приоткрыла окно машины. На крыльце кто-то был. Оказалось, что это женщина, утопающая в огромном пальто. Плотный шарф укрывал ее под самый подбородок. Красной искрой вспыхнуло пламя зажигалки, и женщина, откинув голову назад, выпустила в небо плотную струйку сигаретного дыма. Входная дверь открылась, и женщина отвела было руку за спину, чтобы спрятать сигарету, но расслабилась, увидев, кто к ней присоединился. Мужчина. *Он*. Саманта ощутила в груди знакомую боль, сочетание страсти и скорби. Это было невыносимо. Сэм сползла еще ниже по сиденью и замерла, вслушиваясь в отзвуки диалога. Они говорили слишком тихо, чтобы можно было разобрать слова. Разговор прерывали время от времени громкие смешки. Судя по голосам, они были счастливы, и от этого становилось еще печальнее. Довольные жизнью Джош и Лиза курили тайком сигарету на крыльце своего дома, а она сидела в потемках и подглядывала за ними. Лиза была счастлива. Вопреки всему тому, что она написала в письме, несмотря на то, в чем она обвинила Саманту. Сэм выждала, пока не послышался звук открывающейся и закрывающейся двери. Свет на крыльце погас. Она представляла себе, как они рука об руку поднимаются по лестнице, перешептываясь о том, чем займутся, когда доберутся до постели. Сэм покинула свое убежище, выехала на трассу и отправилась обратно в гостиницу, мучаясь вопросом, почему Лиза должна считаться жертвой во всей этой истории, если уж ей выпало быть счастливой.

7

5 января 2022 года

3 000 092

По возвращении в гостиницу Сэм все никак не могла уснуть. Матрас был слишком мягкий, а от гусиных перьев в пуховом одеяле чесались глаза. Давно ей не было так страшно, как сейчас. Она часто говорила, что ее карьерные успехи достались ей практически по случайности. Просто так сложилось, что после лечебницы она решила помогать друзьям по несчастью в реабилитации. Все началось с раздачи отпечатанных на дешевом принтере листовок на выходе из метро и толчеи полудюжины незнакомых женщин, нагрянувших на воркшоп по самоактуализации в ее однокомнатную квартирку в Бруклине. Тогда она руководствовалась лишь зовом сердца, охватываемого трепетом от осознания создания чего-то из ничего. Успех непреднамеренно сам настиг Саманту. И теперь, вкусив удачу, она не хотела ее утратить.

Сэм сбросила с себя одеяло, расчихавшись от вылетевших из него перышек. Она сняла айфон с блокировки. Письмо от редактора с поздравлениями: ее книга дебютировала на втором месте по продажам среди нон-фикшена в твердом переплете. Сэм выдохнула, удивившись тому, что у нее перехватило дыхание. Ее предыдущая книга не оправдала ожиданий, не войдя даже в первую десятку бестселлеров. В этот раз Сэм бросила все силы на рекламную кампанию. «*Целомудрие*» не должно было разделить печальную судьбу своей предшественницы. Еще были письма от ее рекламщика с напоминанием о телефонном интервью с онлайн-журналом «*Бастл*» и кратком перечне вопросов, на которые нужно было ответить для «*Нью-Йорк таймс*», а также подтверждением, что ей удалось перенести на две недели интервью на «*Сегодня с Ходой и Дженной*», но продюсеры «*Душевного воскресенья*» с Опрой Уинфри не хотели идти на уступки («*можешь позвонить, обсудим?*»). Измученная секретарь пыталась согласовать деловую встречу за ланчем с Тедди, ее коллегой по совету директоров «*Шакти*». Сэм переслала письмо собственной помощнице с пометкой: «*Оттягивай как можно дальше!!!*» Множество пиар-служб пытались «выйти на контакт», чтобы уговорить Сэм прочитать то какую-нибудь книгу о позитивной визуализации, то брошюру о Законе притяжения и великодушно согласиться предоставить хвалебный отзыв на обложку, ведь эта новая девчушка обязательно станет следующей Самантой Миллер. Это все она могла спокойно игнорировать. В отличие от трех пропущенных звонков от Джейн, оставившей ко всему прочему голосовое сообщение:

– Что там у вас? – в голосе менеджера слышалось напряжение. – Удалось пообщаться?

Саманта зашла в «Инстаграм», где ее встретили тысячи уведомлений. Так много, что их и за сто лет не перечитаешь. Она наконец-то пробила отметку в три миллиона подписчиков. Пользователи выкладывали цитаты из новой книги. На это она как раз и рассчитывала. Книга была специально написана, чтобы способствовать этому. Сэм презентовала своему издателю не столько книгу, сколько набор инстаграмных цитат, собранных под красочной обложкой. В Сети появились и видео с мероприятия в Бальном Зале. Она выглядела практически миниатюрной в своем облегающем белом комбинезоне на фоне розовых букв ЦЕЛОМУДРИЕ. Хрупкое телосложение, огромные глаза и каскад светлых волос. Ожившая куколка. Сэм разглядывала свои подтянутые руки и ноги, а также выпирающие ключицы («*Всегда знала, что у тебя получится сбросить лишний вес... Ты была такой пампушкой в детстве, и это нормально!*»), пытаясь убедить себя быть благодарной своему телу за то, что оно умеет делать, а не за то, как оно выглядит. Директ был переполнен сообщениями от поклонниц. Те делились с ней личными историями об ужасном сексе, отвратных мужланах, с которыми они делили

постели, и сожалениях, которые продолжали их преследовать. Как жаль, что они не прочитали эту книгу несколькими годами ранее! Однако теперь они были преисполнены решимости оставаться целомудренными, пока не найдут человека, ради которого они будут готовы нарушить обет чистоты. *«Спасибо, Сэм! Спасибо, что указала нам правильный путь! Любим тебя!»*

Среди прочих были и сообщения от суперфанаток, которые первыми комментировали любой пост и сидели в первых рядах на любом мероприятии. Их руки сразу же взмывали вверх, когда наступало время для вопросов из зала. Именно эти женщины выкладывали пятьдесят баксов в месяц за подписку на «Сестры Шакти», приватную «Фейсбук»-группу, которая обеспечивала им прямой доступ к Сэм. Там она делилась с ними своими любимыми медитациями и рецептами соков всех оттенков зеленого, а также организовывала мастер-классы и спиритуалистические сессии по Зуму, чтобы помочь членам группы превратить в реальность свои мечты об идеальных домах, карьерах и отношениях. Сэм была благодарна всем суперфанаткам за поддержку. Не стоило забывать, что она имела от них не менее двух миллионов долларов в год. Но иногда наступало крайнее утомление от необходимости соответствовать их ожиданиям относительно полагающихся им времени и сил. Девушки интересовались, куда она пропала и все ли с ней в порядке. Им сказали, что она была вынуждена покинуть презентацию книги раньше, чем ожидалось, то ли из-за желудочного гриппа, то ли по семейным обстоятельствам. Все гадали, что произошло. К тому же Сэм уже пару дней ничего не публиковала, что было на нее не похоже. Пользовательскую активность всегда нужно поддерживать постоянным потоком контента, как неустанно напоминала Саманте команда «Шакти» по работе с социальными сетями. Тем более странно выглядел перерыв на фоне выхода новой книги. Сэм быстро проскроллила комментарии (*«Скучаю, Сэм! – писала shaktigirl00. – Как у тебя дела, дорогая?»*) и пролайкала все что было можно. Она остановилась, только когда вновь наткнулась на знакомый ник.

@Supernovadiabolique157 Только я одна думаю, что это чушь собачья? Саманта продвигает непорочность, а в прошлой книге *черным по белому* расписывала, что женщины могут черпать силу из случайных связей? По всей видимости, «Шакти» воодушевляется всем тем, что приносит хоть жалкую копейку.

Сэм вздохнула. Последнее время любой ее пост, даже самый безобидный, обязательно навлекал на себя комментарии от этого пользователя с напоминаниями о том, что Сэм говорила в интервью многолетней давности, и старыми цитатами, которые противоречили ее текущей позиции по любой теме. Она удерживала себя от затирания этих комментариев. Ей хотелось, чтобы ее страничка оставалась безопасным местом для откровенных разговоров, а значит, критика тоже должна быть допустима. Но все же было несправедливо, что эта мадам отказывала Сэм в возможности изменить мнение. Люди должны иметь право на ошибку. Мы должны оставлять для других людей пространство для роста и приобщения к новому, как сама Сэм всегда утверждала. Как мы можем меняться к лучшему без этого?

Сэм выбрала подходящий режим на своем чехольчике с подсветкой от «ЛюМи» и вышла в прямой эфир в «Инстаграме».

– Привет, мои драгоценные, – проговорила она, с улыбкой глядя в камеру и удерживая фокус на своем лице, чтобы не слишком бросалось в глаза изголовье кровати. Вряд ли кто-нибудь смог бы разобрать по этой детали, что она остановилась в гостинице «Бенфорд», но рисковать она не собиралась. – Простите, что не выходила на связь какое-то время. Столько всего навалилось в связи с выходом новой книги. Зато сегодня узнала, что *«Целомудрие»* уже № 2 в списке бестселлеров *«Нью-Йорк таймс»*! Это все благодаря каждой из вас, кто купил мою книгу. – Она плечами исполнила победный шимми. – Как же мне повезло, что все вы часть семьи «Шакти». *Все*, что я делаю, – в интересах нашего небольшого сообщества. Без

вас это все не было бы возможно. – Она заметила, что экран начали заполнять вопросы, и ринулась в атаку. – Какие отличные у вас вопросы, но, к сожалению, у меня сегодня нет времени на полноценную сессию #СэмНаСвязи. Без обид, ладно? Я совсем без сил от всего этого промоушена. Надо взять паузу и хоть немного позаботиться о себе. Может быть, вам стоит задуматься об этом применительно и к вашей собственной жизни. А не нужен ли и *вам* тайм-аут? Может, выключить телефон, пойти погулять и подышать свежим воздухом? Мои дорогие, вы точно достойны этого. – Она отправила им воздушный поцелуй и закрыла приложение. Телефон сразу же зазвонил. На экране показалось имя Джейн. Недовольно ворча, она перевела телефон в бесшумный режим. Может ее менеджер оставить ее хоть...

Джейн: я знаю ты здесь выходила на связь в инсте. трубку поднимай.

– Черт, – буркнула Саманта. Телефон снова зазвонил. Сэм прижала трубку к уху и постаралась прозвучать как можно более жизнеутверждающе: – Алло!

– Переговорила с Лизой?

– Я только что проснулась. Позавтракаю и сразу к ней.

– Какой у тебя план действий?

– Да нет никакого плана, Джейн, – раздраженно проговорила Сэм. – Хочу убедиться, что у подруги все в порядке.

– Подруга намекает на то, что ты ее *изнасиловала*. Надеюсь, ты не забыла об этом?

– Да, но похоже ли это на поведение человека в здравом уме? Мой долг – удостовериться, что с ней...

– А *мой* долг – не дать твоей карьере гореть синим пламенем, – резко прервала ее Джейн. – Отправляйся к ней прямо сейчас и разберись с этой хренью.

Ступеньки крыльца дома Тейлоров были точь-в-точь такими же, как в доме ее детства: три широкие ступени и ограждения с коваными завитками плюща. Родительский дом напоминала и мраморная арка над филанчатой дверью в окружении красного кирпича, и витражное стекло со вставками в виде резных звездочек. Единственная разница – два терракотовых горшка, напичканные бегониями и анютиными глазками, по обе стороны от входа. Ну и латунный дверной молоточек в виде львиной головы. У дома был припаркован внедорожник «Тесла». Новехонький, отметила она. Денег у Лизы и Джоша, судя по всему, было предостаточно. На газоне валялись два розовых велосипеда, украшенные блестящими лентами. Сэм снова заглянула в Гугл Карты. Да, все верно: Вест-Кросс-стрит, дом 63. Это был дом Лизы Джонсон. *Лизы Тейлор*.

Стукнув львом о дверь, Сэм потопталась на крыльце, чтобы согреться. Из носа вырывались белые струйки пара. Январь в штате Коннектикут всегда был безжалостно холодным. Порывы ветра обещали скорые снегопады. Сэм выдохнула, отправив клубочки пара в небо. До нее донеслось приглушенное хихиканье. Дверь наконец-то открылась. За ней оказались две девочки с косичками и в вельветовых платяцах на лямках – зеркальное отражение друг друга. Близняшки, догадалась Сэм. Отличить девочек можно было только по водолазкам: на одной была розовая, а на другой – темно-синяя. Две мини-Лизы. Светлые волосы с рыжим отливом и такая светлая кожа, что можно было рассмотреть вены, проступающие на ручках. Когда девочки улыбнулись, Сэм увидела, что у них обеих не хватало передних зубов.

– Привет, – проговорила она, улыбаясь им в ответ. – А как вас зовут?

Девочка слева взглянула на сестру, ожидая ее реакции.

– Нам нельзя разговаривать с незнакомыми людьми, – сказала сестра в темно-синей водолазке. – Мама говорит, что это опасно.

– А я совсем не незнакомая. Мы с вашей мамой были лучшими подругами в детстве. – Сэм попыталась посмотреть в глубь коридора поверх голов девочек. – Можете сказать маме, что к ней пришли?

Девочек слова Саманты, похоже, не особо убедили. Дверь слегка притворилась. Голубые глазки продолжали буравить ее.

– Мы вас никогда раньше не видели, – наконец заявила более смелая близняшка, будто бросая вызов Саманте и вызывая ее на спор. – Как вы можете быть лучшей подружкой мамы, если мы вас никогда не видели?

– Да, ты права, – признала Сэм. – Но это оттого, что я живу в Нью-Йорке и давно не была дома. Но выросла я здесь. В Бенфорде. Совсем недалеко отсюда. – Неприятный ветерок прорвался между голых кленов в саду, и Саманта поежилась. – Можете позвать Лизу? А то здесь такая холодрыга.

– Девочки, кто к нам... – Он осекся, когда увидел, кто стоит перед ним. Его лицо побледнело.

Этим утром Сэм подготовилась к визиту со всей возможной тщательностью. Она понимала, что, скорее всего, увидится с ним. Накрутив локоны и увлажнив губы розовой помадой, она начала подбирать образ: небрежный свитерок, кожаные легинсы, ботильоны, с высоты которых ей казалось, что она влезла на ходули. Сэм засмотрелась на себя в зеркало, восхищаясь тем, насколько блистательно и *дорого* она выглядела. Она была так озабочена тем, что он подумает, увидев ее, что даже не задумалась, как почувствует себя *она* при виде Джоша Тейлора в первый раз за двадцать два года. Втайне Сэм очень надеялась, что он скукожился, облысел и отрастил мягкое брюшко, плохо скрываемое под рубашкой. Однако Джош практически не изменился. Добавилось немного седины на висках, у глаз появилось чуть больше морщинок от частого смеха, изменилась форма носа, будто он когда-то сломал его, и его вправили не совсем так, как нужно. И все же он сохранил мужественную привлекательность, которая гарантировала женские взгляды на улице и перешептывания девушек в очереди в «Старбакс» («красавчик»), пока он заказывал у баристы кофе. Сэм будто вернулась в первый день девятого класса, когда она случайно наткнулась на него в столовой. Компания парней, посмеиваясь, уселась недалеко от нее. Каким-то образом Джош умудрился в одночасье вырасти в высокого широкоплечего молодого человека с загорелым лицом и светлыми прядками в волосах. У Сэм сразу же затрепетало что-то в животе. Внутри начало разливаться тепло, которого она никогда не ощущала ранее. Все тяжкие, составлявшие третий десяток ее жизни на этой земле годы Сэм провела в поисках кого-то, кто бы заставил ее себя снова так почувствовать. Живой, молодой, способной на все. Но каждый раз, когда мужчина получал то, что хотел, а она, спотыкаясь, ковляла в его ванную комнату и ловила свой взгляд в зеркале, она задавалась вопросом, что произошло с той четырнадцатилетней девчушкой, которая лишь хотела, чтобы на нее обратил внимание Джош Тейлор.

– Какого... – Джош оборвал себя на полуслове, учащенно моргая. Он положил руки на плечи девочек и начал оттащить их от двери.

– Она к маме пришла, – сказала одна из близняшек, глядя на отца.

– Она... Лизы нет дома, – проговорил он. Джош начал потихоньку прикрывать дверь, но Сэм сделала шаг и поставила ногу в дверной проем, отрезав ему возможность захлопнуть дверь перед ее носом. У него не получится так просто от нее избавиться, как в прошлый раз.

– Где она? – спросила Сэм.

– Поехала... – Джош остановил себя. – Сэм, прошу тебя. Не надо.

– Она поехала в магазин, – заявила девочка в темно-синей водолазке, с любопытством взглянув на отца. – Молоко закончилось, и мама сказала...

– Не думаю, что Сэм это все интересно, – встрял Джош. – У нее много работы. Я уверен, что ей уже пора возвращаться в город, но мы передадим маме, что она заходила, правда?

Близняшки хором согласились, но Сэм не шелохнулась. Она опасалась, что любое движение вызовет у нее прилив слез. Она была крайне раздражена на себя за то, что позволила

себе дать шанс Джошу вновь отвергнуть ее. Пора уже было запомнить урок: этим людям верить ни за что нельзя.

– С вами все в порядке? – поинтересовалась Темно-Синяя Водолазочка. Она дотронулась до руки Сэм, поглаживая мягкую ткань цветочных аппликаций на ее пальто. – Может быть, по кофейку? – Девочка явно как попугайчик повторила фразу, которую слышала от родителей сотни раз. Сэм не думала, что это был дом, где гостей не пускали дальше морозного порога.

– Не думаю... – попробовал было вставить Джош, но она его опередила.

– С преогромным удовольствием, – заявила Сэм. – Большое спасибо, девочки.

Близняшки воодушевленно щебетали, пока Сэм возилась с пуговицами на пальто и осторожно стаскивала с головы твидовую федору. Темно-Синяя Водолазочка назвалась Мартой, а Розовая – Майей. Сэм похолодела.

– Простите, что? Я... – начала было она, но не смогла закончить фразу. Марта и Майя – эти имена она выбрала для *своих* будущих дочек, и она рассказывала об этом еще в школе миллион раз Лизе. Просто забыть об этом Лиза не могла. Здесь явно был какой-то умысел. Сэм потрясла головой, чтобы выбросить эти мысли, и вновь обратила внимание на близняшек, которые сообщали ей, что им по шесть с половиной лет...

– Но я на две минуты старше, – заметила Марта. Они уже были в первом классе у миссис Келли. Учительница им нравилась, только она ходила не в их церковь, а в другую, на Фэр-факс-стрит. – Она католичка, – сказала Марта и скорчила рожицу.

Прихожая оказалась просторным помещением с сосновым полом, купольным потолком, украшенным вкраплениями позолоты, и укрытой ковром кремового цвета распашной двухмаршевой лестницей. Стены были выкрашены в светлые оттенки и увешаны неприметными пастельными рисунками. «Пресно», как выразился бы помогавший Сэм с оформлением ее квартиры дизайнер по интерьерам, которого едва ли не передернуло при виде барочной люстры у нее в квартире. – Давай скорее, не тормози. – Марта взяла Сэм за руку и повела ее на кухню в традиционном стиле, в котором узнавалось влияние «шейкеров»: сверкающе-белая напольная плитка, фигурные плинтуса под потолком и чернильно-черный кафельный фартук⁹. Джош встал в дверном проеме, напряженно сжав губы в ниточку.

– Ну, пап, давай, вари кофе, – отчитала его Марта.

– Прости. – Джош наполнил чайник водой из-под крана. – Не знал, захочет ли Саманта кофе. Она сейчас вроде бы гуру здоровья.

– Что такое гуру? – спросила Майя. Джош не смог ответить что-то вразумительное. Сэм почувствовала, как по ее позвоночнику прошел разряд возбуждения, но она проговорила про себя, что не надо придавать этому слишком большое значение. Ничего удивительного в том, что он знал о ее карьере, не было. Одна экранизация «Добровольного безмолвия» делала невозможным для него *не* знать о ее существовании. И все же Сэм предалась фантазии о том, как Джош, дождавшись, пока его крошки заснули, а Лиза отправилась на заседание книжного клуба или родительское собрание, крадется к себе в кабинет, включает ноутбук и вбивает в поиске ее имя. Он видит, какого огромного успеха она добилась в жизни вопреки всему, что с ней сделали он и Лиза. Может быть, ему бы даже пришло в голову, что он ошибся с выбором.

– А ты чем сейчас занимаешься? – спросила Сэм, когда Джон потянулся за двумя чашками на верхней полке посудного шкафчика. Свитер Джоша слегка задрался, оголив подтянутый пресс, и ей пришлось, сглатывая, отвести взгляд.

– Недвижимостью, – сказал он.

– Не думала, что ты будешь заниматься чем-то подобным, – она изобразила удивление.

⁹ Шейкеры – буквально «трясущиеся». Краткое обозначение движения Объединенного сообщества верующих во Второе Пришествие Христа – англо-американской религиозной организации, которое отделилось от квакеров. Название «шейкеры» восходит к экзальтированному поведению членов сообщества во время религиозных служб. Мебель в стиле «шейкеров» отличается простотой, функциональностью и минимализмом.

– А чего ты ожидала, Сэм? – спросил он. Она промолчала по поводу воспоминаний о многих ночах, которые они провели под ее покрывалами, нашептывая друг другу на ушко самое сокровенное, пока на улице не становилось совсем темно. Тогда он хотел стать учителем и работать с детьми из неблагополучных семей. Джош хотел изменить мир.

– Папина компания строит новый торговый центр в Стэмбери, – подала голос Марта. Сэм присвистнула.

– Аж торговый центр, – проговорила она. – Ничего себе.

– На жизнь хватает.

– Не сомневаюсь, – Сэм обвела взглядом блестящую лакированную кухню. – А Лиза? Чем она занимается?

– Она присматривает за нами, – заметила Марта. – Это серьезная работа. – Джош не удержался от смеха.

– Ты права, – сказал он, взъерошив волосы дочери. – Вы не даете маме скучать.

– Я тоже знаю, что это такое, – встряла Сэм. Она осознавала, что треплет языком, но нервы были на пределе, поэтому остановиться уже не могла. – Я имею в виду, что такое много работать. Особенно над... – она выдержала паузу. – Моей новой книгой? – Сэм разглядывала Джоша, ожидая, что он скажет про книгу, статью и письмо Лизы.

Но он оставался невозмутимым и лишь бросил:

– Ну и отлично, рад за тебя. Надеюсь, тебе нравится мята. Ничего другого не смог найти. – Он шмякнул чашку чая на мраморную столешницу.

Сэм обхватила ее руками, чтобы немного согреться. И они уставились друг на друга в поисках за новыми лицами с морщинками и гусиными лапками тех подростков, которыми они когда-то были, и того чувства, которое их когда-то связывало. Девочки отчалили в угол кухни, где их ждала гора игрушек, настольных игр и пазлов. Марта, периодически громко хохоча, уговаривала Кена поцеловать Барби, а Майя села за маленький столик и начала возиться с раскраской и набором карандашей.

Джош подождал, пока девочки не погрузились в свои занятия. Наконец он спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Не очень-то гостеприимный вопрос.

– Гостеприимный? Я... – Он будто бы потерял дар речи. – Сэм, я не знаю, что ты задумала, но мне не нужны проблемы.

– Поверь, мне тоже.

– Тогда зачем ты здесь? Мы не виделись...

– Двадцать два года, – закончила она за него. Сэм могла ему с точностью до минуты сказать, сколько месяцев, дней и часов прошло с их последней встречи. Потеря Джона, потеря Лизы – это был самый большой удар, который она испытала за свою жизнь. Теперь становилось очевидно, что пожарище, охватившее ее, оставило их невредимыми. Они построили для себя новую жизнь, даже не задумываясь о Сэм.

– И вдруг ты появляешься у нас на пороге? – Джош выпустил накипевший в нем пар. – Какого черта?

– Я хочу быть здесь еще меньше, чем ты хочешь видеть меня, – заметила Сэм. Его настрой ее бесил. – Но мне нужно переговорить с Лизой по поводу ее письма. Что я могла сделать, на твой взгляд, в этой ситуации, Джош?

– Письма? – переспросил он, но она не успела ответить. Их прервал звонок его сотового. Джош подошел, чтобы сбросить звонок, но скривился, увидев имя на экране. Телефон затих, но сразу же зазвенел снова. Человек на той стороне был настойчив. Плечи Джоша напрягались все сильнее с каждым новым сигналом.

– Упорные ребята, – проговорила Сэм. – Наверняка что-то важное.

Через мгновение Джош выдавил «блин» и схватил телефон.

– Билл! – он вымученно изобразил в голосе радость. – Прости, не мог...

Джош отошел к застекленным дверям в столовую, не сводя с нее глаз. Какие-то проблемы с новым подрядчиком.

– Ну, рассказывайте, чем это вы тут занимаетесь? – проворковала Сэм, пройдя к девочкам в их уединенный уголок и присев перед ними на корточки.

Прошло минут пять, максимум десять, и вот она услышала звук поворачивающегося в двери ключа, а затем и голос Лизы. Более низкий и чуточку с большей хрипотцой, чем она помнила. От одного звука голоса бывшей подруги у Сэм все сжалось в животе. Она поспешила поправить прическу.

– Понимаю, – сказала Лиза. – Это временно... С возрастом пройдет... – Пауза. – Все понятно. Я бы точно так же поступила, если бы это были мои девочки. Ни в коей мере не хотела тебя обидеть. Может быть, заглянешь к нам сегодня вечером? С меня бутылка вина. Посидим, пообщаемся. – Лиза бедром открыла дверь в кухню и вошла с телефоном, прижатым к уху, и двумя коричневыми бумажными пакетами в руках. При виде Саманты, играющей на кафельном полу в куклы с ее дочками, Лиза ослабила хватку, и один из пакетов соскользнул на пол. Бах!

– Не могу говорить, – она резко оборвала свою собеседницу. Девочки, не отвлекаясь от игры, отозвались: «Привет, мам!»

– Помнится мне, ты говорила, что игры с куклами совершенно отупляют. – Сэм помахала подруге идеальным пластиковым образчиком блондинистой красоты в ярко-розовом платье и туфельках на шпильках. Она прекрасно понимала, что ведет себя довольно дерзко, но не смогла отказать себе в удовольствии. От волнения ничего другого на ум не приходило. – Сплошная антифеминистская пропаганда, если я правильно помню. – Сэм поднялась, откидывая волосы на одну сторону. Свитер соскользнул с ее плеча, но она не поправила его. Ключицы у нее особенно выдавались в последнее время, и они никак не должны были остаться без внимания Лизы. В прошлом они всегда следили за любыми изменениями в фигурах друг друга, отслеживая перемены в массе тела с большей беспощадностью, чем самые точные весы. Но если Сэм стала подтянутой благодаря ежедневным занятиям Бикрам-йогой, то Лиза прямо исхудала. В ней с большей ясностью проявлялись признаки заботы о маленьких детях, чем в Джоше. Кожа истончилась до состояния бумаги, а в уголках рта и на лбу выступили едва заметные линии. Одета она была как среднестатистическая мама из пригорода: темные джинсы, заправленные в коричневые сапожки по колено, сумочка в тон и симпатичное светлое шерстяное пальто с поясом.

– Джош? – обессиленно окликнула Лиза, опуская второй пакет с покупками на стойку.

– Он говорит по телефону, – сказала Сэм. – С Биллом.

– А. Да, Билл... Да-да. Я... – Лиза умолкла, поглядывая на близняшек.

– Ты в порядке? – выдавила Сэм, пододвигая один из стульев поближе к Лизе. – Может, присядешь?

– Я нормально. Что... что ты здесь делаешь?

– Милая моя, а что я могу здесь делать? – Сэм прищурила глаза. – Мой менеджер показала мне письмо, которое ты ей отправила. Я на грани срыва, нельзя же...

– Тсс. – Лиза заглянула за плечо Сэм в поисках Джоша. Сэм проследила за ее взглядом. До нее медленно дошло.

– Стоп. Он ничего не знает?

– Я не могу сейчас говорить об этом.

– А когда же ты *сможешь* поговорить об этом? Не ожидаешь же ты, что я... – Сэм даже не заметила, что одна из близняшек дергала ее за свитер.

– Я так и не показала тебе, что мне досталось от Санты, – проговорила девочка. – Караоке с фонариками. Мама с папой напились на Рождество...

- О чем ты, Марта? – Лиза хмуро поглядела на дочь. – Пару стаканов эгг-нога, и...
– ...и спели старую песенку... – девочка захихикала. – Про большие попы! – Сестры захохотали, несмотря на уговоры мамы¹⁰.
- Папе звонят с работы, мы должны... – Тут распахнулась дверь, и Джош вбежал в гостиную.
- Прости, – бросил он взволнованно. – Билл. Не мог не переговорить с ним. – Он положил руку на талию жены и притянул ее к себе. – Ты в порядке? – спросил он, глядя на Лизу так, будто выискивал трещинки на дорогой фарфоровой вещице.
- Да, честное слово, я в порядке, – заверила его Лиза. Джош цыкнул языком, но прекратил расспросы. Вся троица сдавленно молчала, выстроившись у кухонной стойки. Припомнили, что произошло в последний раз, когда они были вместе.
- Итак, – Джош кашлянул, попеременно взглядывая на женщин. У него на лбу показались глубокие складки. – Надолго ты у нас, Сэм?
- Ты можешь отвести девочек наверх? – Лиза скрестила руки у груди.
- Как? Ты уверена, что не хочешь, чтобы я...
- Лиза покачала головой. Они обменялись взглядами, в которых читалось безмолвное согласие. Хлопнув в ладоши, Джош велел близняшкам следовать за ним.
- Хорошего понемножку, – ответил он на их пронзительный вой и требование печенек «Орео» с молоком («*nap, мы голодные*»). – Никаких возражений. Марш наверх.
- Марта и Майя? – проговорила Сэм, когда они остались с Лизой наедине. Она присела у стойки. – Интересные имена... – Она с недоумением взглянула на Лизу, ожидая увидеть конфуз на лице бывшей подруги или услышать слова извинения. Но Лиза пошла по другому пути.
- Что ты здесь делаешь, Сэм? Мы совершенно определенно дали тебе понять, что не желаем с тобой иметь ничего общего.
- Лиза, ты серьезно до сих пор злишься из-за того... – Саманте показалось, будто бы она вернулась в детство, когда во время игр в софтбол одноклассники всегда выбирали ее последней к себе в команду. Ей вдруг захотелось убежать к маме и поплакаться: «*Меня сегодня в школе обидели!*»
- Не тебе говорить мне, из-за чего я должна и не должна злиться. В прошлом это сработало бы. Но те дни давно позади. Я хочу, чтобы ты ушла прямо сейчас.
- Просто так я не смогу уйти, – заметила Сэм. – Я вернулась в Бенфорд, потому что волновалась за тебя...
- Лиза не смогла подавить мерзкий смешок.
- Ты волновалась за *меня*? Нет уж. Ты вернулась, потому что беспокоишься за себя. По крайней мере, не ври.
- Чем я тебя так обидела? – слезы были близко. Сэм ощутила, как у нее защипало в глазах. – Что я сделала, чтобы ты меня так возненавидела? Возненавидела так, чтобы *врать* обо мне?
- Хватит набивать себе цену. Уже забыла все про «*Блэкаут*»? Не думала, что я прочитаю твое эссе? – Лиза обожгла Сэм взглядом. – О чем ты вообще думала?
- Я не... Весь Бенфорд, что ли, зачитывается «*Блэкаут*»?
- Да откуда тебе знать, кто и что у нас делает или не делает? Ты и двух часов здесь не провела с конца школы.
- И кто в этом виноват? Я уехала только потому, что ты хотела этого.
- Не надо пороть старую чушь. – Подбородок Лизы выдвинулся вперед. – Я никогда не просила тебя уезжать. Школа в Юте – целиком твоя задумка. Ты *всегда* так делаешь. Всегда все перевираешь. Ты всегда хочешь быть обиженной, Сэм.

¹⁰ Песня про «большие попы» – отсылка к популярному хиту Baby Got Back американского рэпера Sir Mix-a-Lot.

– Вот это уж совсем не справедливо! Я ничего не перевираю. Твое письмо меня испугало. Будто бы не ты его писала. Ты не способна взять и заявить, что я...

– Сил нет на все это, – вырвалось у Лизы. Она наклонилась, чтобы собрать выпавшие у нее из рук по возвращении домой покупки, и начала подбирать пакет лежащих на полу яблок, бутылку молока и большую пачку колечек на завтрак. Сэм понаблюдала за тем, как Лиза разбирается с пакетами. Наконец подруга повторила: – Уходи. Прямо сейчас.

– Даже не подумаю. Мне нужно понять, что тебе нужно от меня. Хочешь, чтобы я опубликовала опровержение на эссе? – Лиза ничего не ответила. Сэм продолжила: – Ты... – Сэм переборола гадливое ощущение и заставила себя закончить вопрос. – Ты хочешь, чтобы все узнали твою историю?

– И в чем здесь вселенская трагедия, Сэм? Что люди узнают о тебе правду?

– Но это даже не правда! И ты сама знаешь, что это неправда. Мы обе были там той ночью, и ты знаешь, что *именно* произошло. Ты совсем рехнулась? Откуда у тебя все это пошло...

– Что случилось? – Джош вошел, прикрывая за собой дверь в холл. – Наверху слышно, как вы ссоритесь. Девочки волнуются. – Его глаза метались между двумя женщинами. – Сэм, – еле слышно пробормотал он. – Сэм, что ты...

– Да *ничего* я не сделала! – Сэм сорвалась на крик. – Хватит винить меня в какой-то херне, которую я даже не делала. Я написала эссе, вот и все. Оказывается, писать эссе теперь у нас считается преступлением.

– Какое эссе? – удивленно спросил Джош. – О чем ты? – Он перевел взгляд на Лизу. – О чем она, солнышко? – Но Лиза уже осела на стуле, будто бы из ее тела разом вынули все косточки. – Милая, – проговорил он. – Ты меня пугаешь. Что происходит?

– Я написала эссе, – медленно сказала Сэм. Кто-то должен был озвучить правду, и этим кем-то, по всей видимости, должна была стать она сама. – В качестве анонса для моей новой книги. Я рассказала о ночи после дня рождения Лизы.

У Джоша кровь отхлынула от лица.

– Сэм, – прошептал он. – Что ты наделала?

– А Лиза написала письмо моему менеджеру, – продолжила она. – Говорит, что той ночью... Лиза сказала... – она дала себе время собраться с мыслями. – Лиза говорит, что то, что было между нами, было против ее воли.

– Что? – Джош отшатнулся назад. – Нет. Нет, не может быть... Лиза. – Он подошел к жене и приподнял ее голову за подбородок, чтобы посмотреть ей в глаза. – Она же шутит. Ты не могла... Почему ты мне ничего не сказала?

– Мы же вообще о ней не говорим, – ответила Лиза. Комната как будто начала схлопываться. Подступающие стены будто хотели вдавить Сэм лицом в эти колкие слова, чтобы их острые края разодрали ее в клочья. Она постоянно вспоминала о Джоше и Лизе. А они вообще о ней не думали. Все как в школе. Снова она была никому не нужна. Третья лишняя.

– Я думаю, что тебе пора, Сэм. – Джош встал рядом с Лизой, но больше не предпринимал попыток дотронуться до жены.

– Не делайте этого со мной. Умоляю. Я не засл...

– Саманта, вон отсюда! – выкрикнул он так мощно, что она испуганно отпрыгнула назад. – Мне нужно поговорить с моей женой. Без посторонних.

8

Последнее, что хотела увидеть Саманта по возвращении в свой гостиничный номер, так это свою мать. Каролина сидела на краешке кровати, чинно сдвинув колени вместе. Ее платье с запахом в блеклый цветочек идеально вписывалось в убранство комнаты, будто бы мать заранее подбирала себе образ в тон гостиничного номера. Ее практически седые волосы были собраны в аккуратный пучок у шеи, чтобы не скрывать от взора окружающих жемчужные сережки с бриллиантами, доставшиеся ей по наследству от бабушки Андерсон. Мать оставалась красивой даже в свои семьдесят шесть лет. Доктор Каролина Андерсон-Миллер была обязана хрупкости своего телосложения ничуть не меньше, чем своим уверенным рукам, за убежденность мамочек Верхнего Ист-Сайда в том, что ей-то они точно могут доверить заботу о своих драгоценных чадах.

– Черт побери! – вскрикнула Сэм, испуганно схватившись за грудь. – Тебя-то как угрозило здесь оказаться?

– Пожалуйста, не ругайся, прошу тебя. Мы с отцом растили не морячку. К тому же, думаю, мы обе понимаем, что вопрос в другом: что *ты* здесь делаешь?

Сэм бросила пальто на спинку кресла-качалки и начала стряхивать снежинки со шляпы. Наконец она села и уставилась на мать.

– Так как ты все же пробралась сюда?

– Молодой человек на ресепшен оказался очень любезным. Поделится запасным ключом, когда я объяснила ситуацию.

– Какую ситуацию? Что ты решила ворваться ко мне в номер? Я почти уверена, что ты сейчас вне закона, мама.

Каролина расправила ткань платья, встала и подошла к Саманте. Той на секунду даже показалось, что ее собираются обнять. До нее донесся аромат маминых духов: цитрусы вперемешку с подсолнухом из желто-белого флакона, который очень подошел бы для крема от загара. Каролина носила эти духи, потому что ей их когда-то подарила ее собственная мать, заявив, что этот аромат «достойный». Этого замечания было вполне достаточно для Каролины, которая всегда поступала так, как от нее требовали. Ей было неизвестно, почему Саманта не могла быть такой же. Жизнь дочери Каролины была бы намного проще, если бы она следовала правилам.

– Я в самом деле не понимаю, зачем ты покупаешь себе такую красивую одежду и потом бросаешь ее как попало, – проговорила Каролина, подбирая пальто Сэм и вешая его на крючок на двери. – Глаза отказывались верить тому бардаку, который был здесь, когда я переступила порог комнаты.

– Я торопилась, я... – Сэм заткнулась. Она была слишком взрослым человеком, чтобы что-либо объяснять матери. Вместе с психотерапевтом они много раз репетировали эту сцену, отработывая, как Сэм сохранит самообладание и будет степенно говорить с Каролиной. И вопреки всей подготовке Саманта все же начала себя вести, как девушка-подросток, готовая в любой момент завопить: «*Я не просила тебя рожать меня!*» Пересилив себя, Сэм сделала попытку удержаться в рамках. – Было бестактно заходить сюда без моего согласия. Уважай мое личное пространство.

– Не хочу слышать эти психологические разглагольствования. – Каролина разместила свою сумочку на згибе локтя на манер британской королевы. – Не было бы нужды пробираться к тебе в номер, если бы ты позвонила и сообщила мне, что ты в городе, как поступил бы любой нормальный ребенок. Впрочем, о чем я? Ведь *моя собственная* дочь мне заявила, что *никоим образом* не сможет оказаться дома на праздники, ведь у нее *так* много работы...

– Мам, я же пригласила тебя в «Таверну на лужайке»¹¹, чтобы как-то загладить вину. А потом мы пошли в треклятый Рокфеллеровский центр, чтобы поглядеть на елку! Чего еще тебе от меня нужно?

– И вот... – Каролина продолжила монолог, будто бы Сэм вообще ничего не сказала. – Не прошло и двух недель, и я совершенно случайно узнаю, что дочь остановилась в гостинице «Бенфорд». К тому же от кого я это узнала? От Лидии Томас. Боже, Саманта, ты же сама знаешь, что это за женщина. «А вы что, не знали?» Она зашла в восторге, что именно от нее я все это слышу в первый раз.

– А она-то как пронюхала, что я вернулась? Я здесь буквально со вчерашнего вечера. Да и гостиницу практически не покидала.

– У нее здесь племянница работает помощницей управляющего, – Каролина презрительно махнула рукой. – Впрочем, какая уж теперь разница.

– Мам, я...

– Ничего не хочу слышать. Собирайся. Мы едем домой.

В интервью Сэм всегда говорила, что в детстве она довольно часто чувствовала себя одинокой. Ее родители вообще не были уверены в том, что хотели иметь детей. Их карьеры отнимали массу времени, а их жизнь вертелась в вихре званых ужинов, выставочных вернисажей, билетов на новые постановки и приглашений посетить только что открывшиеся галереи. Сэм была результатом одной пропущенной таблетки, и ее всегда заставляли ощущать себя ошибкой. Она не была ни сыном, которого хотел бы ее отец, ни безвольно покладистой куколкой, которую ее мать могла бы превратить в свою копию. При помощи сессий направляемых визуализаций по спасению ее внутреннего ребенка (такие же курсы, как те, что благодаря ее настойчивости были доступны для ее девочек через «Шапки», чтобы те могли пройти тот же путь исцеления, что и она) Сэм умудрилась примириться со своим прошлым. И все же путь до дома матери прошел в повторении про себя мантр: «Я всесильна. Я дитя Вселенной. Я достойна любви и уважения». К тому моменту, когда она припарковалась позади материнского «БМВ», потные ладони уже отказывались держать руль. Сэм опустила боковое стекло и посмотрела на дом, где прошло ее детство.

– Блин, – буркнула она себе под нос. Все же было жутковато, насколько похожи были их дома. Разве никто в городке не заметил, что ее бывшая лучшая подруга решила разыграть в жизни сценарий «Одинокой белой женщины»? Должен же был кто-то удивиться тому, что Тейлоры выстроили себе особняк, до малейших деталей копировавший ее старый дом?

– Саманта, – выкрикнула ее мать, разворачиваясь перед входной дверью. – На улице минус восемь, и я уже не та, что прежде. Если ты не против, я хотела бы сегодня избежать обморожения. – Сэм поспешила нагнать Каролину.

По пути из прихожей в гостиную Сэм заметила, что на стенах, декорированных тончайшими обоями в квазикитайском стиле, появилось больше фотографий. Свадьба родителей и медовый месяц в Париже. Официальный снимок с их тридцатой годовщины: они сидят на диване, легонько касаясь друг друга коленками. Тем вечером они закатили большую вечеринку. В саду был установлен шатер, под которым официанты носились с бокалами «Дом Периньон». Сэм на праздник никто не позвал.

– Что ты постоянно об этом вспоминаешь? Ты была *вне доступа*, – обычно жалостливо сокрушалась ее мать. Сэм тогда находилась на реабилитации, корчилась от ломки в заведении где-то в глубине штата Нью-Йорк. Годовщина свадьбы родителей наложилась на сессию семейной терапии, которую без лишних рассуждений отодвинули на потом. – Да делов-то, милая! –

¹¹ Tavern on the Green. Фешенебельный ресторан на территории Центрального парка в Нью-Йорке.

щебетала мать по телефону. «*Я не о том*», – все порывалась вставить Сэм. Ей было нужно, чтобы они хоть раз пошли ей навстречу. И в очередной раз этого не произошло.

Гостиная была оформлена в голубых тонах. Выполненный по индивидуальному заказу гарнитур из дивана и кресел с закругленными спинками был накрыт шелковой драпировкой оттенка пудры. Сэм присела, боясь пошевелиться. В детстве ее вообще не пускали в эту комнату. И даже сейчас она занервничала, что может неосторожно пролить чай на ковер или оставить мокрый отпечаток от чашки на кофейном столике из орехового дерева. Сэм заметила маленькую фотокарточку в серебристой рамке, засунутую за резную хрустальную вазу, наполненную каллами. На изображении она увидела саму себя. Маленькая девочка задует свечки на торте «Красный бархат», а рядом с ней Лиза, с благоговением смотрящая на лакомство. Это было самое раннее воспоминание из детства Сэм. Ее четвертый день рождения: лиловое платье с белыми звездочками, которое резким движением натянула ей через голову мать, поход в местный «Чак И. Чиз»¹², официанты, сначала спевшие ей «С днем рождения тебя», а потом быстро прибравшие стол, пока она была в уборной. К тому моменту, когда она вернулась, на ее месте уже была другая девочка со своим собственным тортом.

– Мой первый день рождения в Бенфорде, – проговорила она, разворачивая рамку навстречу Каролине.

Мать кинула взгляд на фото:

– Нет, это Нью-Йорк. Мы тебя отвезли в «Плазу», помнишь? Ты хотела быть как Элоиза из «Плазы»¹³.

Сэм снова посмотрела на себя в детстве.

– Да, ты права, – она поставила рамку обратно. – А ты знаешь, что она живет поблизости? – Сэм достала телефон, чтобы проверить, не было ли писем от ее менеджера, и, не увидев новых сообщений, отправила мобильник обратно в сумку. – Я имею в виду Лизу. Их дом *абсолютно* такой же, как твой. Это очень странно. Ты видела его? – Мать, собравшаяся было налить чай в чашку Сэм, вернула чайник на зеркальный поднос.

– Видела, – осторожно начала она. – Джошуа навестил меня, когда они строились, и я... – Она остановила себя. – Не знала, что ты снова общаешься с Лизой.

– А мы и не общаемся. Ты же знаешь, что мы и словом не обмолвились со школы. Боже. Тяжело было видеть ее сегодня. Не знаю, на что я рассчитывала, но... – Сэм заморгала, чтобы сдержать слезы. – Впрочем, я разберусь. – Она попыталась улыбнуться. – О, макарончики! Они веганские? – Сэм потянулась за печеньем, но мать перехватила ее за кисть. Кожа у Каролины была холодной, как лед. У нее была поразительно сильная хватка для женщины ее возраста.

– Не надо снова мутить воду, – сказала она. – С них достаточно проблем. Просто оставь их в покое. В этот раз.

Сэм вырвала руку. Макарон упал обратно на тарелку.

– Ты ничего не знаешь об этом, мам. Но почему-то ты немедленно делаешь вывод, что я в чем-то виновата.

Саманте было больно осознавать, что родители всегда видели в ней самое худшее. В прошлом Сэм допускала ошибки, она это прекрасно понимала. В разгар зависимости она обидела не одного человека. На нее тогда нельзя было рассчитывать, она не заслуживала доверия. Она врала, крала вещи у друзей и коллег. Она делала такое, о чем ей и сейчас было стыдно вспоминать. Бесчисленные незнакомые комнаты, в которых она пробуждалась. Множество мужчин, к которым и прикасаться не стоило. Ковыляние домой с синяками неизвестного происхождения и закупоривающей горло рвотой. Попытки забыть, что было прошлой ночью. Вдавленное

¹² Chuck E. Cheese – американская сеть семейных ресторанов и детских развлекательных центров, особенно популярная в 1990-е годы.

¹³ Героиня серии детских книг, написанных американской писательницей Кей Томпсон в 1950-х годах. По сюжету Элоиза живет в «Плазе» – пятизвездочной гостинице в Нью-Йорке, одном из старейших отелей города.

в подушку с запахом духов другой женщины лицо. Изливавшийся поток слез, когда какой-то мужик назвал ее *«грязной шлюхой»* и даже не остановился, чтобы проверить, все ли с ней в порядке. Такие мужчины не знали, когда было лучше остановиться. Вызов автомобиля за счет журнала и звонок в офис с сообщением, что она чувствует себя неважно. Ее квартира становилась убежищем на весь оставшийся день. Таблетка диазепамы, чтобы умиротворить ужас, который взбирался по ее спине. Обещания, что завтра будет другой день. Но наступало завтра, которое было примерно таким же. Даже она сама уже не могла верить собственным врачам. Саманта проделала необходимую работу на пути к реабилитации. Но с каждым возвращением в Бенфорд она ощущала, как под кожей вновь начинал биться пульс той, прежней Сэм. Во всем виновата мать, подумала она. Каролина лучше кого-либо знала, где были нанесены швы и как легко распороть новую личину, которую создала для себя Сэм. Каролина – вот, кто виноват.

– Джошуа и Лиза могли бы быть мягче с тобой, когда вы были подростками. Я понимаю это, – продолжила мать. – Но сейчас они счастливы. Они забыли о прошлом. Тебе бы это тоже не помешало.

– Тебе просто об этом рассуждать. – Сэм вскочила на ноги. У нее чесались руки перевернуть тахту и раскидать чашки, тарелочки и старинные серебряные ложечки, которыми так дорожила ее мать. Чертовы ложечки ей, наверное, были более по душе, чем собственная дочь. О них она точно больше заботилась. – Почему ты всегда не на моей стороне?

– Ради всего святого, здесь нет «сторон». Ты не ребенок.

– Заткнись! Оставь меня в покое! – заорала Сэм самым что ни на есть голосом ребенка, которым, со слов ее матери, она уже не могла быть. И она ринулась в свою комнату, громко хлопнув дверью.

Сэм постояла за дверью, пытаясь перевести дух. До нее донеслись четкие слова матери:

– Ну и, естественно, они не веганские. Это же практически беже.

Сэм почему-то думала, что ее спальня будет такой же, какой она оставила ее в восемнадцать лет: лифчики с вкладышами на полу, шлепки от «Стив Мэдден» под кроватью, аромат «Кельвин Кляйн Ван» в воздухе, беспорядочно расставленные флакончики лака для ногтей на туалетном столике, диск Фионы Эппл и стопка журналов на прикроватном столике. Эдакая капсула времени, доказательство, что она существует и когда-то даже жила здесь. Но у матери были свои задумки. Это сразу бросалось в глаза. Каролина полностью вычистила комнату, выложила пол керамической плиткой и выставила на винтажную шифоньерку древнюю лампу, которая Сэм никогда не нравилась. В комнате разместилось кресло в стиле королевы Анны и зеркало, декорированное жемчугом и слоновой костью. Черно-белая фотография девушки в платье с оборками и сигаретой в руке висела у освинцованного окна. Конечно же, мать не собиралась делать из комнаты храм, как было бы, если бы ее дочь трагически умерла и передвижение даже одного тюбика туши могло бы принести ей невыносимые страдания. Каролина была несентиментальной особой. Даже если Сэм не стало бы – а это вполне могло произойти, подумала она ожесточенно, ведь так много раз она была почти что при смерти, когда, шатаясь от хмеля, усаживалась в горячие ванны и представляла себе, как здорово было бы окунуться под воду и так там и остаться. Все равно мать ухватилась бы за возможность обновить декор.

Саманта бросила сумку у подножия кровати и плюхнулась на матрас. Она позволила себе выкричать свое раздражение в подушку. Затем Сэм скинула сапоги, стянула свитер и дала себе поваляться на постели в одних легинсах и лифчике, силясь отдышаться. Нужно было позволить Диане, организовать экстренную сессию по Зуму. Психотерапевт понимала, что эти невротические паттерны так глубоко укоренились в ней, что было крайне легко вернуться к прежним моделям поведения. *«Наш мозг всегда выбирает себе путь наименьшего сопротивления, – всегда напоминала ей Диана. – От старых привычек так просто не отделаться»*. Сэм также

могла бы выйти в «Инстаграм». Она уже несколько дней не публиковала ничего в рубрике #СэмНаСвязи и хорошо понимала, что какой бы досадной ни была встреча с матерью, этот опыт мог бы быть полезен ее девочкам. Они вполне могли бы извлечь для себя что-то ценное из этого противостояния. В силу молодости они все еще ощущали, как силен позыв впасть в детство, когда возвращаешься в родной дом. *«Вот так и работаем над собой»*, – заключила бы Сэм, наблюдая за всплывающими на экране комментариями. *«Привет из Бразилии! Любим тебя, Сэм!»* Она всегда старалась делиться с ними собственной болью. Может быть, им от этого станет легче.

Сэм поводила рукой вверх-вниз по краю кровати и замерла, когда палец зацепился за крошечную зарубку на дереве. Наматрасник кровати был новый – стеганный жаккард с тем же узором, что на кресле. Но сохранила ли мать старый каркас? Сэм соскользнула на пол и попыталась заглянуть под кровать, но там было слишком темно, чтобы что-то толком разглядеть. Сэм покопалась в сумке, нашла телефон, включила фонарик и протиснулась под каркас. Прячущаяся под кроватью девушка на обложке *«Добровольного безмолвия»*, а потом и на постере к фильму, не была случайностью. Сэм залезала под кровать каждый раз, когда у родителей начиналась ссора по поводу того, сколько часов в неделю работала Каролина, или, например, по поводу журнала, который опубликовал сюжет о ее новой врачебной практике.

– *Я вынужден узнавать об этом от парней на работе. Ты понимаешь, как я выгляжу?* – разъяренно орал отец в тот день. Сэм продолжала прятаться под кроватью и в юности всякий раз, когда до нее из холла доносилась легкая поступь ее матери. «И здесь ее нет, – вздыхала Каролина, обнаруживая комнату дочери пустой. – Ума не приложу, что будет с этой девчонкой». Просачивающиеся через щелочки в половицах обрывки разговора родителей: *«Это противоестественно, они всегда были слишком близки»*. Сэм закрывалась наушниками, врубала погромче Аланис на своем Дискмене и делала пометки черным маркером на нижней части каркаса постели. *«Родители снова ссорятся, 16.10.1993»* с одной стороны, *«Паническая атака сегодня, папа отправил меня в комнату, чтобы я «психовала» здесь, 27.07.1995»* с другой стороны. Только Лиза знала о том, что она здесь пряталась. Сэм показала ей свое убежище как-то после школы, жестом предложив подруге проследовать за ней под кровать. Лиза фонариком освещала написанное и зачитывала вслух.

– А я думаю, что мой отец вообще ненавидит меня, – выдохнула она, ища руку Сэм.

– Даже если так, не важно, – ответила та, беря руку подруги в свою. – Я тебя люблю. И буду любить всегда.

И вот Сэм снова под старой кроватью, пробегает пальцами по грубому дереву, нащупывая вены своей подростковой боли. Прожужжал смартфон. Письмо от Джейн с кричащим заголовком *«СРОЧНО!!!!!!»* Когда Сэм вылезла наружу, ее нога ударилась о нечто твердое. Сэм опустилась на колени и вытянула из-под кровати на ковер большой деревянный ящик с геометрическим трафаретным узором по краям. Красивая штука, обитая внутри голубым бархатом, с перламутровым замочком-крючком. Сэм открыла ящичек и от радости даже вскрикнула. Каролина позвонила, когда дочь только переехала в большой город, и сообщила о посылке из Юты. Что нужно было сделать со всеми этими вещами? Сожги их, ответила тогда Сэм. К чему ей были старые воспоминания, если можно было создать себе новые, получше? Но мать сохранила все: корешки билетов из кинотеатров и их с Лизой полароидные снимки, где они в гольфах по колено, надетых по случаю выхода на экраны *«Бестолковых»* (от вспышки их макияж выглядел мертвенно-бледным); билеты на концерт No Doubt в Хартфорде; десятки выцветших валентинок; а заодно ее старые дневники, еле державшиеся на своих хлипких замочках, которые она сейчас легко сломала вопреки выведенному на обложке большими буквами предупреждению: *«ОТКРЫВАТЬ ЗАПРЕЩЕНО!»* Сэм полистала одну из книжиц, хихикая над тем, какой впечатлительной она когда-то была. *«Не могу поверить, что Лиза сказала Бекки, что мне нравится МК!!!!»* – писала она в марте 1997 года. Интересно, кто такой МК, подумала Сэм.

Никто стоящий с такими инициалами на ум не приходил. – *Никогда ей не прощу это, пока я жива. А она еще сделала вид, что вообще не понимает, о чем я, когда я ей все высказала в лицо! ДА КОНЕЧНО!! Клянусь, мы ВСЁ. Скажу ей, если она зайдет к нам после школы. Удачи и счастья им с Бекки!!!*» И так продолжалось в том же духе не одну страницу. Сэм в мельчайших деталях описывала, как именно она собиралась наказать Лизу за проступок. Ссора тогда, может быть, и была принципиально важной, но сейчас Сэм не могла отыскать в своей голове каких-либо воспоминаний об этом происшествии. Погружение в глубины сознания результатов не давало. В самом низу ящика ее ждала стопка писем. Сэм почувствовала, что коченеет при виде игрового шрифта Comic Sans и местами смазанных принтерных чернил.

Скучаю по тебе, Мышка. А ты скучаешь по мне? Здесь так скучно. У тебя уже появились новые друзья?

Сэм пробежалась взглядом по письмам. Они все были от Лизы и были адресованы Сэм, когда та училась в Юте. Каждое послание заканчивалось одной и той же подписью: *«Вечно твоя, Мышка. Люблю»*. Так Лизу называли в семье, потому что она была очень застенчивой в детском возрасте. Когда Сэм узнала об этом, она сразу же выпалила: *«Раз ты Мышка, то и я хочу быть Мышкой!»* Во время написания *«Целомудрия»* она все время думала о том, что значило быть лучшей подругой Лизы. Привязанность на грани одержимости, которая объединяла их с детства, постоянное желание напоминать друг другу, что они любимы и что они нужны друг другу. В ночь, когда скончался ее отец, Сэм неотрывно смотрела на телефон, думая, кому можно было бы позвонить. И был только один такой человек: Лиза. Никто другой не понял бы, какие сложные эмоции вызывала в ней эта боль. Как можно оплакивать утрату того, чего у тебя никогда не было? В тот момент она расплакалась. Оплакивая утрату не только отца, но и Лизы.

Зазвенел мобильник.

– Привет, – ответила Сэм, все еще сжимая одно из писем в руке. Она не хотела с ними расставаться. В листах бумаги будто бы еще чувствовалась энергия подруги.

– Привет, – прокричала Джейн. На заднем фоне было шумно. Кто-то орал. Эхом от стен отражались пульсирующие такты позабытого трека Принса. – Получила мое сообщение? Хотела свериться. Понять, как у тебя дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.